
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00320191 0

28

Эта книга отпечатана въ Іюнѣ 1922 года
въ типографіи Heckendorff, Berlin SO. 26,
для книгоиздательства «Геликонъ».

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГЪ

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

МИСТЕРІЯ

ВѢТЕРЪ

ТРАГЕДІЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА ⋆ БЕРЛИНЪ
MCMXXII

LIBRARY
SEP 8 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

МИСТЕРІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клотильда (въ міру Марія), монахиня.

Слѣпой.

Гіомъ, герцогъ Бретани.

Аббатъ, монастырскій священникъ.

Алиса, старая монахиня.

Изольда, молодая монахиня.

1-ый воръ.

2-ой воръ.

3-тій воръ.

Богомолецъ.

Богомолка.

Богомольцы, монахини, игуменья, привратникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ XV вѣкѣ, въ монастырѣ на сѣверѣ Франціи

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Площадь. Въ глубинѣ папертъ церкви. Колодезъ, надъ нимъ деревянная статуя Богоматери, въ Ея рукѣ Золотое Сердце. На паперти слѣпой съ чашкой. Благовѣстъ.

Аббатъ *(на паперти).*

Изъ туманной Фландріи,
Изъ ненастной Голландіи,
Изъ горячей Испаніи,
Изъ прекрасной Франціи
Приходите, христіане!
Слышенъ зовъ густой и дивный
Золотого сентября.
Ужъ поспѣли яблоки и сливы
Въ голубомъ саду монастыря.
Въ нашей бѣдной церкви,
Гдѣ мы вздыхали и плакали,
Какъ плодъ созрѣло Сердце
Пресвятой Богоматери.
Золотое Сердце! — Великій плодъ! —
Она всему міру даетъ.

Пейте, люди, — это не слезы,
Не молоко, не вино, не кровь,
Но золотая, какъ звѣзды,
Любовь!

(Богомольцы цѣлуютъ Сердце и съ пѣніемъ уходятъ въ церковь)

Хоръ богомольцевъ.

Слава тебѣ, отъ любви тяжелое,
Для всѣхъ отверстое,
Небесное золото,
Маріи Сердце!
Золотое яблоко земли,
Ты для каждаго!
Утоли насъ, утоли
Жаждущихъ!

Богомолецъ *(на паперти).*

Золотое Сердце, ты свѣтишь!

Слѣпой.

Подайте слѣпенькому!
Ты говоришь оно изъ золота,
Но что это значитъ?
Оно звенитъ какъ червонецъ тяжелый?
Или грѣетъ какъ солнце горячее?

Богомолецъ.

Нѣтъ! оно свѣтитъ! свѣтитъ!
Да ты все равно не поймешь . . .

Слѣпой.

Подайте слѣпенькому
Грошъ!

(На сценѣ остаются слѣпой и три вора)

1-ый воръ.

Въ Успенье мнѣ удалось найти у эконома
Въ монастырѣ святой Вероники
Триста голландскихъ червонцевъ,
И еще, въ придачу, бутыль хорошей наливки.

2-ой воръ.

Тебѣ везетъ! а я занялся богомольцами,
Но это пустая работа —

(высыпаетъ изъ сумы)

Серебряный крестикъ, кольца,
Да вотъ еще окорокъ.

3-тій воръ.

Пожалуй,
И закусить бы не мѣшало!

(Ѣдятъ, пьютъ)

2-ой воръ.

Да, червонецъ это штучка чудесная!
Зайдешь въ таверну «Рыжій Котъ» —
Хозяинъ улыбается въ умиленіи будто служитъ мессу.
Вѣдь знаетъ кто я, а все же «благороднымъ рыцаремъ» зоветъ.
Кувшинъ вина, пирогъ съ потрохами, кусокъ барана.
А сколько дѣвушекъ! толстая Марго, малютка Жанна,
Какую хочешь позови —
За червонецъ узнаешь всѣ тайны любви.

3-тій воръ.

Довольно! ты меня мучаешь —

Я свою Маріэтту вспомнилъ.
Да вотъ пойдешь съ пустыми руками — въ шею получишь.
Гдѣ-бъ раздобыть хоть пару червонцевъ?

1-ый воръ *(показывая на статую).*
Что? не плохое сердечко?
За него и тысячу экю дадутъ.

2-ой воръ.
Ну?

1-ый воръ.
И — думать нечего!

3-тій воръ.
Но почему? когда уйдутъ . . .

1-ый воръ.
Ужъ смѣльчаки не разъ пытались.

2-ой воръ.
Замѣтили?

3-тій воръ.
Поймали?

1-ый воръ.
Они ослѣпли!
И ослѣпнетъ всякій кто его коснется.

3-тій воръ.
Кому-жъ охота!

2-ой воръ.
Слишкомъ дорого себѣ обойдется!

1-ый воръ.
За два глаза — тысячу червонцевъ.

Слѣпой.
Тысячу червонцевъ?

1-ый воръ.

Ишь, чего захотѣлъ! золота!
Да ты своей чашки не найдешь!

Слѣпой.

Гдѣ ужъ мнѣ! господа веселые,
Подайте слѣпенькому грошъ!

1-ый воръ (*бросаетъ монету*).

Вотъ! . . да помалкивай!
Не то отвѣдаешь палки . . .

2-ой воръ.

Я въ ремеслѣ своемъ блюду законы:
Однажды пришлось взломать часовню,
Но я за это положилъ триста поклоновъ,
И свѣчу поставилъ пресвятой Мадоннѣ.
(Входитъ Гіомъ, въ одѣяніи бѣднаго богомольца, лицо закрыто капюшономъ)

Гіомъ.

Позвольте положить суму и посохъ,
И отдохнуть подъ этой липой.

2-ой воръ.

Напрасно! отъ окорока остались только кости.

3-тій воръ.

Безполезно! вино до послѣдней капли выпито.

Гіомъ.

Я пришелъ изъ Бретани дальней
Посѣтить монастырь всѣми чтимый . . .

2-ой воръ.

И мы — грѣхи замаливать!

3-тій воръ.

Предъ вами, сударь, пилигримы.

Гіомъ.

Скажите, вы не видали
Прошли ли монахини въ церковь?

2-ой воръ.

Не знаю, мы такъ усердно молились и лобзали
Святое Сердце.

Гіомъ *(1-му вору).*

Быть можетъ вы замѣтили молодую монахиню.

1-ый воръ *(тихо товарищамъ).*

Онъ кажется, что-то высматриваетъ.

(Гіому)

Изъ всѣхъ грѣховъ самый страшный любопытство,
Притомъ вы меня отвлекаете отъ молитвы.

3-тій воръ.

Ужъ не хотите-ль вы на чужой счетъ поживиться?

Гіомъ.

Да какъ ты смѣешь? воришка!
Прочь отсюда! слышишь?

(Замахивается посохомъ)

3-тій воръ *(убѣгая).*

Къ чему же такъ сердиться?

2-ой воръ.

Мы можемъ, такъ сказать, переселиться.

(Уходятъ)

Гіомъ *(слѣпому)*.

Скажи, ты не замѣтилъ? . .

Слѣпой.

Подайте слѣпенькому!

Гіомъ.

Тьфу! Мадонна!
Нашелъ кого спрашивать . . .

Слѣпой *(про себя)*.

Тысяча червонцевъ,
А слѣпому ослѣпнуть не страшно.

(Входятъ Алиса и Изольда)

Алиса.

Сегодня удачный праздникъ, сестра Изольда.
Я живу здѣсь сорокъ четыре года,
Весной и осенью приходятъ богомольцы —
Святое Сердце приноситъ доходы.
Отъ пастуха не грѣхъ взять и барана,
Купцы несутъ шелкъ изъ Ліона,
А прошлой осенью принцъ фламандскій
Оставилъ четыре мѣшка съ червонцами.

Изольда.

Сестра Алиса, вѣдь святое Сердце
Спасаетъ многихъ отъ хвори и смерти?

Алиса.

Разумѣется, сестра Изольда:
Для страждущихъ спасенье, для святой обители польза.
Одна бѣда — у насъ не бываетъ чудесъ.
Вотъ въ Блуа, гдѣ мощи святой Гертруды,
Или въ Пуатье, гдѣ мíроточащій крестъ —

Каждый годъ совершается какое-нибудь
чудо.

Изольда.

Чудо? .. Что это? .. зимой въ снѣжномъ
полѣ
Расцвѣтаютъ розы, высокія какъ колоколь-
ня . . .
Или еще — я простая монахиня Изольда —
Святая, отъ меня идутъ лучи, и всѣ
кругомъ молятся . . .
Отъ чуда мы стали бы голубыя, вольныя,
Тихія — тихія . . .

Алиса.

И это увеличило-бъ притокъ богомольцевъ,
Что весьма полезно для нашей обители.
Но мы размечтались, а дѣло не терпитъ.
Надо приготовить обѣдъ богомольцамъ и
убрать церковь . . .
Мы сегодня немало трудились.
Въ трапезную я пошлю сестру Клотильду.

Изольда.

Сестра Клотильда сейчасъ молится.

Алиса.

Но это время
Ей лучше провести въ уединеньи,
Она у насъ недавно, и хоть выдержала по-
слушанье,
Но какъ знать?
Къ намъ приходятъ много богомольцевъ изъ
Бретани,

Ихъ разсказы могутъ ее взволновать.

Изольда.

А чѣмъ была сестра Клотильда въ міру.

Она говоритъ съ нами такъ рѣдко . . .

Алиса *(шопотомъ).*

Невѣста самого герцога Бретани! . . но вамъ не слѣдуетъ даже думать объ этомъ.

Пойдемте лучше въ церковь! надо

Заправить всѣ лампады.

(Идутъ на папертъ)

Изольда.

Ахъ, это ты слѣпой!

Алиса.

Сегодня у тебя хорошій день — не сглазить бы —

Девять грошей — вотъ что значитъ праздникъ.

(Бросаетъ грошъ, обѣ уходятъ въ церковь. Слѣпой ищетъ грошъ)

Слѣпой.

Кто здѣсь?

Гіомъ.

Что тебѣ?

Слѣпой.

Добрый господинъ, помогите найти одинъ грошъ,

Онъ упалъ въ траву . . . здѣсь . . . рядомъ . . .

Гіомъ.

Какъ ты этотъ грошъ —

Я ищу мою радость.
Вотъ грошъ *(бросаетъ монету)*, вмѣсто одного другой.
А мнѣ ничѣмъ ее не подмѣнить.

С л ѣ п о й.

Вѣрно господинъ потерялъ не грошъ, а цѣлый золотой?
О, за червонецъ можно много получить:
Любовь . . .

Г і о м ъ *(усмѣхается)*.

Любовь? Любовь за золотой?
Недаромъ ты слѣпой!
Слушай! У нашего моря жила дѣвушка,
Она по розовому берегу утромъ бѣгала,
И рыбаки говорили — ея синія очи
Похожи на звѣзды раннія,
И когда она проходила даже ночью
Было свѣтло во всей Бретани.
Она смѣялась и собирала раковины,
Потерявъ одну она плакала,
Какъ ребенокъ, и въ каждой слезинкѣ
Играло солнце золотое, невинное.

С л ѣ п о й.

Дѣвушка . . . синія очи . . . Боже!
Какія непонятныя слова,
Но я слышу: она звенитъ какъ весенній дождикъ,
И пахнетъ, какъ послѣ дождя трава.
Да! этотъ червонецъ не для нищихъ!
Что-же, господинъ, вы его не ищете?

Гiомъ *(отходя).*

Я сумѣлъ бы догнать волну перелетную,
Я сумѣлъ бы сосчитать песчинки морскія,
Но какъ отыскать сердце далекое,
Сердце Маріи?

Слѣпой.

Вы смѣетесь надъ слѣпымъ, вотъ тамъ надъ колодцемъ
Сердце святой Маріи. *(Про себя)*
Сердце Маріи! .. тысяча червонцевъ! ..
Кто-то идетъ . . . подайте слѣпому! . .

(Входитъ Клотильда; цѣлуетъ Сердце)

Клотильда.

Льются дожди голубые,
Падаетъ снѣгъ и таетъ вновь.
Но тиха и свѣтла, Марія,
Твоя неземная любовь!
Золотой цвѣтокъ высоко цвѣтетъ,
Что ему вѣтръ перемѣнный?
Ни одинъ лепестокъ не падетъ
На нашу грѣшную землю.

Гiомъ.

Томитъ меня голодъ!
Пожалѣйте бѣднаго!

Клотильда.

Въ монастырской столовой
Вамъ дадутъ ломоть хлѣба.

Гiомъ.

Мнѣ нуженъ не этотъ хлѣбъ!

(откидываетъ капюшонъ)

Марія, вы меня забыли?

Клотильда.

Маріи больше нѣтъ.
Предъ вами сестра Клотильда.

Гіомъ.

Ты любила меня! любила!
Зачѣмъ ты сюда ушла?

Клотильда.

Гіомъ, я васъ слишкомъ любила,
А душа отъ любви тяжела.
Я томилась, я плакала ночью,
Я страшилась — душа упадетъ
И всякій ее растопчетъ,
Какъ на земь упавшій плодъ.

Гіомъ.

Какъ море — душа! Скажите
Этотъ черный панцырь зачѣмъ?
Вѣдь душѣ не звенѣть, не биться
Средь этихъ бѣлыхъ стѣнъ.
Помните, Марія,
Мы слушали вмѣстѣ волны морскія.
И зеленыя, темныя воды
Все утро пѣли намъ.
Развѣ волны не служатъ Богу?
И развѣ море не храмъ?

Клотильда.

Я забыла о трудной свободѣ,
Въ берегахъ я навѣкъ усну.
Я какъ этотъ глубокій колодезь
Отражаю ея бѣлизну.

Г і о м ъ.

Ты уйти отъ любви пыталась,
Но эту плотину прорви!
Какія угрюмыя скалы
Устоятъ предъ прибоемъ любви?
Марія . . .

К л о т и л ь д а *(тихо)*.

Марія . . . я давно не слыхала . . .
Не зови меня такъ! . . нѣтъ, еще, только
разъ назови! . .

Г і о м ъ.

Тамъ, на западѣ, небо Бретани,
И море, и красный парусъ въ туманѣ . . .
Я скажу тебѣ — Марія!
И море отвѣтитъ — Марія!
И чайки заплачутъ — Марія!
И песокъ у нашихъ ногъ
Зашуршитъ — Марія! Марія!
И гдѣ-то вдали вѣтерокъ
Откликнется — Марія!
Когда ты засмѣешься — нельзя будетъ
понять,
Это твой голосъ или вѣтеръ съ моря.
Когда ты заплачешь — нельзя будетъ
понять,
Это слезы или брызги моря.
Иди за мной! тамъ жизнь! тамъ радость
наша!

К л о т и л ь д а.

Гіомъ, мнѣ страшно.

Каждое слово — камень.
Я стоять не могу *(садится).* Но вы молчите?
Говорите еще о нашей Бретани,
И о любви . . . говорите!

Гіомъ.

Медлить нельзя! я знаю ты любишь меня!
Надо итти! я въ рощѣ оставилъ коня!
(Беретъ ее за руку)

Клотильда.

Люблю . . . но вѣрьте,
Любовь такая тяжелая.

Гіомъ *(показывая на статую).*

Какъ это Сердце
Изъ золота.
(закрывъ глаза рукой)
Какъ оно блеститъ на солнцѣ!

Клотильда *(въ ужасѣ).*

Вы говорите . . .
Святое Сердце! . . что я дѣлаю? . .
Оставь монахиню, злой искуситель!
Я опомнилась! я прозрѣла!
Святая Дѣва, я согрѣшила!
Прости и помилуй!
Я души не отдамъ землѣ,
Не для людей мои слезы,
Я сберегу на тонкомъ стеблѣ
Тяжелую розу.
Гіомъ, я знаю — вы не дьяволъ,
А только безпечный рыцарь.
Я не лукавлю —

Я люблю васъ . . .

Г і о м ъ.

Намъ надо торопиться.

К л о т и л ь д а *(отстраняетъ его руку).*

Нѣтъ! не уйду! Зачѣмъ вы меня полюбили?
Много цвѣтовъ въ саду, въ лѣсу, на горѣ.
Но бѣлыя лиліи
Цвѣтутъ въ монастырѣ.
Вы прекрасны, и вы обойдете
Много легкихъ дорогъ,
И вновь полюбивъ сорвете
Другой, земной цвѣтокъ.
А для меня всѣ грозы отшумѣли,
Я здѣсь усну въ холодной кельѣ.
Себя сберечь сумѣла . . .

Г і о м ъ.

Сберечь . . . зачѣмъ?

К л о т и л ь д а.

Чтобы остаться бѣлой
Средь бѣлыхъ стѣнъ.

Г і о м ъ.

Никого не радуя?
Никого не насытивъ?

К л о т и л ь д а.

Такъ надо! оставьте меня! идите!

(Отворачивается)

Г і о м ъ.

Марія! Марія!

(Идетъ къ церкви)

С л ѣ п о й *(Гіому).*

Подайте слѣпенькому ради праздника,
Господинъ милосердный!

Г і о м ъ.

Праздникъ?

С л ѣ п о й.

Сегодня праздникъ
Святой Маріи — Золотого Сердца.

Г і о м ъ *(поворачиваясь къ статуѣ).*

Твой праздникъ! Ты холодна и горда!
Что Тебѣ страсти людскія,
А я потерялъ навсегда
Сердце моей Маріи!

(Уходитъ)

С л ѣ п о й.

А я найду! я вѣрю —
Вотъ оно рядомъ, близко,
Тамъ на небесномъ деревѣ
Мое счастье повисло.
Пресвятая Дѣва! помоги слѣпому!
Крѣпка и тверда моя вѣра.
Вѣдь тысяча червонцевъ
За одно Твое Сердце!

(громко)

Подайте слѣпенькому!
Кто здѣсь? *(тихо)* Никого нѣтъ.
Шаги или вѣтеръ?
Никого нѣтъ.

(Встаетъ, идетъ къ статуѣ, нащупывая цѣлуетъ Сердце, потомъ срываетъ его)

Клотильда.

Пречистая Дѣва!

(Слѣпой роняетъ Сердце въ колодезъ. Клотильда, окаменѣвшая глядитъ на него)

Слѣпой.

Кто здѣсь? Никого!
Упало,
И не вернется,
И все мое счастье осталось
На днѣ колодца.
Это былъ вѣтеръ, вѣтеръ съ моря.
Почудилось мнѣ . . .
Горе!
Горе мнѣ!
Оно звенѣло и пѣло какъ въ сказкѣ.
Тяжело золотое сердце,
И какая рука удержитъ
Чужое сердце,
Свое счастье?
Пропало, пропало навѣки!

(Пауза. Беретъ свою чашку)

Подайте слѣпенькому!

(Уходитъ въ церковь, за сценой еще разъ кричитъ «Подайте слѣпенькому». Клотильда подбѣгаетъ къ статуѣ, падаетъ передъ ней)

Клотильда.

Пресвятая Дѣва и Мать!
Твое сердце — твердыня, солнце!

Какъ Ты могла его отдать
Жалкому слѣпому.
Сердце! недоступное! невозможное! непонятное!
На днѣ колодца! въ рукѣ святотатца!
Ты была моимъ крѣпкимъ якоремъ.
Я знала, что Ты свѣтла и бѣла.
Предъ Твоей бѣлизной я плакала.
Для Тебя я себя берегла.
Но Ты, искушая слабую,
Грѣшной руки не отвела.
Теперь мое сердце — въ бурю корабль
Несется . . . куда? . . куда? . .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Таже площадь. Толпа колѣнопреклоненная поетъ вокругъ статуи Богоматери. Слѣпой на прежнемъ мѣстѣ. Похоронный звонъ. Сумерки.

Хоръ богомольцевъ.

Вѣетъ вѣтеръ смертный,
Надъ святой могилой.
Золотое Сердце
Закатилось!
Плачьте вдовые! плачьте сирые!
Хороните свою любовь!
Надъ христіанскимъ міромъ
Ночь.
Вѣетъ вѣтеръ, вѣетъ смертный.
Поминальные дни пришли.
Больше не бьется звонкое сердце
Земли.
Сердце остановилось.
Солнце закатилось.
Господи, Господи, помилуй!

Изольда.

Сестра Алиса, какое горе и всѣ плачутъ . . .

Когда я была маленькой — умеръ мой братъ,
И также всѣ плакали . . . что это значитъ? . .
Неужели оно не вернется назадъ? . .
Мы будемъ жить, но не будетъ сердца
Маріи . . .
Оно ушло, а жизнь не кончается . . .
Больше не придутъ сюда больные, хромые,
слѣпые,
Чающіе.

(Плачетъ)

Алиса.

Какое горе, сестра Изольда!
Что скажутъ богомольцы?
Исчезло сердце Маріи.
Уже не придутъ къ намъ больные, хромые,
слѣпые.
Заглохнетъ обитель, замолкнетъ колоколъ,
Наши кладовыя опустѣютъ.
Больше не зазвенитъ веселое золото
Въ сундукѣ сестры-казначеи.

(Плачетъ)

Богомолка.

Грѣхъ какой! вора будутъ черти щипать по
очереди.

Богомолецъ.

Или засмолятъ въ бочку.

1-ый воръ.

Видишь, хорошо что мы не соблазнились
Сердцемъ.
Адъ! это тебѣ не таверна!

2-ой воръ.

Да, но у насъ остался только ломоть хлѣба.

3-тій воръ.

За то мы въ дружбѣ съ небомъ.

Богомолка.

Среди бѣла дня украли.

Богомолецъ.

А кто?

Богомолка.

Да вотъ не этотъ ли молодчикъ!

(показываетъ на 2-го вора)

Онъ у меня вино укралъ давеча,
Цѣлую бочку.

2-ой воръ.

Одно дѣло — боченокъ, другое — сердце Мадонны!
Вы говорите весьма невразумительно.
Къ тому же вино я отдалъ отцу-эконому
На поддержаніе святой обители

(тихо, другимъ ворамъ)

Выручайте! говорите!

1-ый воръ.

Господа, я слышалъ отъ одного ученаго человѣка,
Что всякій кто посмѣетъ святое Сердце похитить,
Здѣсь же, на мѣстѣ ослѣпнетъ.
Нѣтъ ли здѣсь слѣпого? . . поглядите!

Богомолка.

На паперти слѣпой!

2-ой воръ.

Стой!

3-тій воръ.

Держи его!

1-ый воръ.

Вяжи его!

(Толпятся вокругъ слѣпого . . . голоса «слѣпой», «стой», «держите», «вяжите!»)

Аббатъ.

Подождите, подождите, братья!
Этотъ человѣкъ отъ рожденья слѣпъ.
Тридцать лѣтъ онъ сидитъ на этой паперти
И гроши собираетъ на хлѣбъ.

Слѣпой.

Подайте грошъ! пожалѣйте слѣпого!

Алиса.

Да это нашъ слѣпой! ищите другого!

Богомолка.

Найдешь тутъ. Простылъ слѣдъ . . .

Богомолецъ.

Весь дворъ обшарили — два глухихъ, а слѣпыхъ больше нѣтъ.

3-тій воръ *(къ 1-му вору).*

Кажется мы дали маху,
И зря тебя послушались.
Теперь у какого нибудь монаха
Тысяча экю подъ подушкой.

1-ый воръ.

Какъ знать? все бываетъ на свѣтѣ,
А вдругъ онъ завтра ослѣпнетъ?

Мнѣ этотъ бретонецъ *(показываетъ на Гіома)* крайне подозрителенъ.
Не онъ ли?.. посмотрите-ка...
(Гіому, лукаво)
Не взяли ли вы случайно Сердца святой Маріи.

Гіомъ *(гнѣвно).*
Что ты сказалъ?!
(Усмѣхаясь, про себя)
Сердце Маріи . . .
Не взялъ, а потерялъ.

1-ый воръ.
Ну, потерялъ иль продалъ — это дѣло десятое,
Но ты его нашелъ не въ травѣ, а на статуѣ.
Отбивать хлѣбъ у другихъ — какой позоръ!
Держите! вотъ воръ!
(Крики: держите! вяжите!)

Гіомъ.
Вы знаете кто предъ вами?
(Скидываетъ плащъ. Воры ускользаютъ. Крики: «Герцогъ Бретани!»)

Аббатъ *(кланяется).*
Великій герцогъ, въ черный часъ
Вы посѣтили насъ.

Гіомъ.
Да, въ черный часъ! Исчезло Сердце.
Вы будете праздновать каждую осень
Исчезновеніе великаго Сердца,
Въ сентябрѣ когда вѣтеръ листья уноситъ.

Это будетъ праздникомъ смерти.
И каждую осень одинокій, забытый,
Я буду приходить въ вашу обитель,
Глядѣть на это опавшее дерево,
(показываетъ на статую)
Слушать вѣтра голоса ночные,
И думать о другомъ сердцѣ — тоже потерянномъ
И тоже Маріи.

Изольда.

Другое сердце . . . Марія . . . его рѣчи невнятны . . .
Но имъ внимать такъ сладко . . .

Алиса.

Онъ легкомысленъ, какъ всѣ рыцари.
Вамъ лучше бы не слушать, а молиться . . .

Изольда.

А вѣдь женихъ Клотильды тоже былъ герцогомъ?

Алиса.

Хорошо, что сестра Клотильда въ церкви . . .

Изольда.

Это такъ увлекательно . . . онъ къ ней пришелъ въ видѣ богомольца.

Алиса.

Надо за ней наблюдать . . . а вотъ вы предаетесь мыслямъ по уставу недозволеннымъ.

Аббатъ.

Отнявшіе вернутъ,

Потерявшіе найдутъ,
Вы обрѣтете сердце Маріи.
Дрогнетъ рука похитителя,
И святое Сердце Дѣвы Маріи
Вновь загорится въ нашей обители.
Идите, дѣти мои, въ церковь
И вѣрьте радость будетъ.
Я же Заступницѣ Усердной
Помолюсь о Чудѣ.

(Всѣ, кромѣ аббата и слѣпого, уходятъ съ пѣніемъ въ церковь. Двери ея раскрываются и видны молящіеся)

Хоръ богомольцевъ.

Помолимся Мадоннѣ
О томъ, что будетъ,
Въ Ея опечаленномъ домѣ
Помолимся о Чудѣ.

Аббатъ *(молится)*.

Святая Марія, ты можешь помочь!
Я молюсь обо всѣхъ — велико наше горе,
И о томъ слѣпцѣ въ чьемъ сердцѣ ночь.

Слѣпой *(прислушиваясь)*.

О комъ, отецъ?

Аббатъ.

О ворѣ.
Только слѣпецъ могъ похитить солнце,
Сіявшее ярко для всѣхъ
Утаить его въ горницѣ темной.

Слѣпой.

Ужасный грѣхъ!

Его не проститъ Господь.

(Входитъ Клотильда, аббатъ ее не видитъ. Она въ оцѣпенѣніи слушаетъ)

А б б а т ъ.

Проститъ! вѣдь любовь
Покрываетъ грѣхъ.
Святая Марія, къ нему снизойдетъ любя и жалѣя . . .

С л ѣ п о й.

И онъ?

А б б а т ъ.

Прозрѣетъ!

(замѣчая Клотильду)

Что съ тобой Клотильда?
Ты молчишь?

К л о т и л ь д а.

Мнѣ показалось . . . что вы говорили . . .
Сейчасъ . . . обо мнѣ . . .

А б б а т ъ.

Нѣтъ, о безумцѣ укравшемъ Сердце.
И о святой Маріи.
Почему ты не въ церкви?

К л о т и л ь д а.

Отецъ, мнѣ велѣла сестра Алиса
Спросить васъ
Считать ли сегодняшній день праздничнымъ или постнымъ,
И зажечь ли свѣчи изъ золоченаго воска?

А б б а т ъ.

Зажгите свѣчи! цвѣты несите!

Пусть все ликуетъ и веселится.

Клотильда.

Отецъ, ужъ вечеръ.
Солнце зашло давно.
Какъ блѣдны даже самыя яркія свѣчи!
Въ церкви темно.
Сегодня цвѣты въ монастырскомъ саду
Опали подъ вѣтромъ холоднымъ,
И я найду
Только листья сухіе и желтые.
Наша убогая церковь
Теперь какъ гробница,
И какъ понять? утонуло Сердце —
И кому молиться?

Аббатъ.

Не надо роптать, моя дочь!
Легка и свѣтла разлука —
Вѣдь должна быть у Господа ночь,
Чтобы было ясное утро.
Господь полюбилъ цвѣты,
За то, что они мгновенны —
Зацвѣтутъ, отцвѣтутъ . . . пойми и ты
Часы потерь благословенны!

Клотильда.

Нѣтъ! не могу понять!
Какъ Она не поразила безумца дерзкаго?
И какъ, и какъ могла отдать,
Землѣ отдать святое Сердце?

Аббатъ.

О, маловѣрная!

Она себя отдала давно,
Сама уронила тяжелое Сердце,
Какъ золотое зерно.
Можетъ быть бреннаго золота
Коснулась нищая рука,
И звонкій веселый колосъ
Накормитъ бѣдняка.
Сбереженное сердце блеститъ недоступное
Вдали ото всѣхъ ожидаетъ смерти.
А потерянное сердце въ великой мукѣ
Спасаетъ другое, чужое сердце.

Клотильда.

Но какъ спасти другихъ? и какъ средь бѣлыхъ стѣнъ
Остаться бѣлой?

Аббатъ.

Предать себя, и стать ничѣмъ,
Дѣлать черное дѣло.

Клотильда.

Отецъ, но вечернее облако
Непорочное и блаженное?

Аббатъ.

Оно дождями тяжелыми
Прольется на темную землю.

Клотильда.

Но цвѣтокъ Пречистой Дѣвы
Высокая лилія?

Аббатъ.

Она увянетъ, изойдетъ цвѣточнымъ сѣвомъ,
Душистой пылью.

К л о т и л ь д а.

Iисусъ, нашъ Господинъ,
Розовый и слабый
Припадалъ къ материнской груди,
Играя со спѣлымъ яблокомъ.
Онъ пилъ молоко, серебряное какъ утро...

А б б а т ъ.

Чтобъ послѣ пить не молоко, но уксусъ!
И былъ погребенъ Господь,
Какъ простой Назарейскiй плотникъ,
Бросили сѣмя — святую плоть
Въ землю черную, рыхлую, теплую.
Дочь моя не скорби, но вѣрь:
Каждой твари свое испытанье.
Кинь твое сердце въ землю, и смерть
Покроетъ его снѣгами.
Но будетъ радость! весною вновь
Взойдетъ погибшая любовь.
Я о Чудѣ Святую Дѣву молилъ.
Чудо грядетъ.

К л о т и л ь д а *(про себя)*.

Боже, хватитъ ли силъ? . .
Отецъ, отецъ мнѣ страшно!
(Падаетъ на колѣни передъ статуей)

А б б а т ъ.

Крѣпись! молись Заступницѣ нашей.
(Благословляетъ ее, идетъ къ церкви, запѣваетъ)
Радуйся, Пречистая, Сердце потерявшая!
(Уходитъ въ церковь)

Хоръ богомольцевъ.

Радуйся, Пречистая, міру отдавшая Сына
На смиренье, на мученье, на кончину!
Радуйся, каждый день свое Сердце теряющая!
Плоды роняющее вѣчное Дерево!
Являющая послѣднее Таинство
Искупляющей міръ потери!

(Во время пѣнія Клотильда на колѣняхъ предъ Статуей молится, лицо закрывъ руками. Входитъ Гіомъ. Двери церкви затворяются)

Клотильда *(про себя).*

Отдать себя . . . забыть себя . . . Укрѣпи! дай мнѣ силы!

Гіомъ *(усмѣхаясь).*

Я вижу вы очень опечалены тѣмъ, что приключилось.
Но я пожертвую въ монастырь другое сердце, еще тяжелѣй и лучше,
И все закончится благополучно.
Да, Святая Дѣва можетъ вамъ позавидовать —
Она потеряла, а вы свое держали подъ замкомъ.

Клотильда.

Вы хотите меня обидѣть? . .
Мнѣ очень тяжело, Гіомъ!

Гіомъ.

Оттого что Она сберечь не смогла?

Клотильда.

Нѣтъ, оттого, что я сберегла.

Гіомъ.

Бѣжимъ! Скорѣй! темно . . . насъ не замѣтятъ . . .
Здѣсь нѣтъ никого.

(Тихо подходитъ слѣпой съ чашечкой)

Слѣпой.

Подайте слѣпенькому!

Гіомъ.

Прочь отсюда! прочь!

(Слѣпой уходитъ на папертъ)

Клотильда.

Гіомъ, еще для многихъ ночь!

Гіомъ.

Да, ночь . . . намъ путь до моря укажутъ звѣзды.
Скорѣй, а то будетъ слишкомъ поздно.

Клотильда.

Нѣтъ, слишкомъ рано, Гіомъ.
Мы еще не можемъ быть вдвоемъ.
Любовь крестятъ въ огнѣ и въ жертвѣ.
Намъ надо много отстрадать.
Ты хочешь найти непотерянное сердце,
Зерна не бросивъ — колосъ снять.
Я крестъ приму не этотъ *(показываетъ крестъ на груди)*, но земной, тяжелый . . .
Если ты любишь — жди меня . . . можетъ недолго . . .

Г і о м ъ.

Смириться, молиться . . . я не хочу чудесъ.
Дай мнѣ простую радость!
Снова ждать и снова крестъ —
Подъ крестомъ можно только падать.

К л о т и л ь д а.

Такъ надо.
Помнишь, тамъ изображенъ, надъ алтаремъ,
Крестный путь . . . Не нашъ ли Гіомъ?
Сначала Онъ спотыкается, нечаянно падаетъ —
Еще ноги крылатыя, еще въ сердце радость.
Путь въ гору, Онъ идетъ,
На лицѣ Его потъ,
Гнется подъ крестомъ,
А крестъ все растетъ, растетъ.
И снова падаетъ на-земь лицомъ,
И встать не можетъ, и все-же встаетъ,
И снова идетъ, идетъ.
Никого съ Нимъ, близкіе, родные
Отвернулись, предали,
И нельзя передохнуть.
Идетъ Онъ . . .

Г і о м ъ.

Довольно! Марія!
Развѣ любовь это крестный путь?

К л о т и л ь д а.

Не знаю . . . Нѣтъ, знаю! . . вотъ тамъ на поворотѣ

Страшная дорога . . . и что, если вы отъ
меня отшатнетесь? . .

(Протягиваетъ руку Гіому)

Поцѣлуй мою руку! . . Богъ знаетъ, что
будетъ съ нами . . .
Пусть на бѣдномъ тѣлѣ останется слѣдъ
твоего дыханья . . .

(Гіомъ отвертывается и рука Клотильды долго виситъ въ воздухѣ)

Гіомъ.

Нѣтъ! не хочу! игра! насмѣшка! ложь!
Приласкаешь, а потомъ опять уйдешь.
О если бы ты меня любила! . .

Клотильда.

Я такъ люблю тебя! . . милый!
Еще дѣвочкой я выбѣгала на дорогу,
И ждала . . . ты проѣзжалъ мимо . . . одинъ
разъ, въ Духовъ день, возлѣ часовни
Ты взглянулъ на меня и мы разсмѣялись
оба.
Потомъ я бродила ничего не видѣла, не пом-
нила . . .
Такой свѣтъ! будто въ сердцѣ солнце
свѣтлое
И я могу исцѣлить прокаженнаго,
Или заставить всѣхъ улыбнуться по
дѣтски.
Когда ты въ первый разъ пріѣхалъ въ нашъ
замокъ

Я спряталась. Мать искала. Ты сказалъ:
я васъ видѣлъ во снѣ . . .

Гіомъ.

Довольно! отвѣчай прямо
Ты идешь или нѣтъ?

Клотильда.

А потомъ я тебя потеряла.
Вотъ ты говоришь, ты здѣсь, рядомъ . . .

Гіомъ.

И этого мало?

Клотильда.

Я уйду съ тобой — и будетъ радость,
И запахъ моря, звѣзды, рѣчи слад-
кія,
Но завтра . . .

Гіомъ.

И завтра мы будемъ вмѣстѣ!
Это любовь . . .

Клотильда.

Любовь, такъ много вѣситъ.
Ты сонъ любовью не зови.

Гіомъ *(хочетъ обнять Клотильду, она отстраняетъ его руку).*

А это?

Клотильда.

Это только тѣнь любви!

Гіомъ.

Вы ловко играете — только подумать
Коснуться монашеской рясы — какое ко-
щунство!

А разговоръ о любви — это вѣдь просто шутка . . .

Клотильда.

Гіомъ, иди! а завтра утромъ
Быть можетъ, мы поймемъ другъ друга.

Гіомъ *(смѣется)*.

Понять тебя? . . ну, это будетъ чудо!
Что жъ ты думаешь на ночь надѣть вериги?
Или прочесть душеспасительную книгу?

Клотильда *(не слышитъ его словъ)*.

Не знаю . . . слѣпая, иду я ощупью . . .
Что-то должно быть сегодня ночью . . .
Мой милый! женихъ мой! мы будемъ вмѣстѣ!
Если не здѣсь, то тамъ . . .

(Оглядывается)

Господи, какъ темно! какъ тихо!
Помолись о твоей потерянной невѣстѣ,
Сегодня обо мнѣ нужно много молиться . . .

Гіомъ.

Эти бредни мнѣ надоѣли! Довольно!
Вотъ дай слѣпому грошъ — онъ за тебя помолится.
А я пойду въ таверну, возьму себѣ подругу,
Кувшинъ вина. Всю ночь я пить и веселиться буду.
Молиться ваше ремесло, вы помолитесь о заблудшемъ пьяницѣ . . .
Прощайте, сестра Клотильда!

Клотильда.

Нѣтъ, Гіомъ, до свиданья!

Мы встрѣтимся . . .

Гіомъ.

Не думаю — вѣдь намъ не по пути.

(Уходитъ)

Клотильда.

Ушелъ . . . вотъ крестъ . . . и надо итти.

(Идетъ на папертъ)

(Слѣпому)

Ужъ ночь и всѣ ушли . . . чего ты ждешь?

Слѣпой.

Усталъ я ждать!
Подайте грошъ!

Клотильда.

Не грошъ пришла тебѣ я дать.

Слѣпой.

Усталъ . . . усталъ . . .

Клотильда.

Слѣпой, зачѣмъ ты взялъ? . .

Слѣпой.

Что взялъ?

Клотильда.

Сердце!

Слѣпой *(въ возбужденіи)*.

Не я! не я! глядите! Ищите! вотъ мои лохмотья!
Ей-ей не я! . . . не здѣсь его найдете!

Клотильда.

Знаю — его не найти, оно глубоко.

Слѣпой.

Гдѣ? гдѣ?

Клотильда.

На днѣ колодца.

Слѣпой.

Ужъ не знаю, какъ оно туда попало . . .

Клотильда.

Я все видала.

Слѣпой.

О чемъ ты говоришь? . . слѣпого каждый обидитъ . . .
Я здѣсь сидѣлъ, я слѣпъ, я не могъ видѣть.
Никого не было. Только вѣтеръ закричалъ жалобно.
Можетъ вѣтеръ его сорвалъ, какъ листъ сухой.

Клотильда.

Это былъ не вѣтеръ — я закричала.
Не вѣтеръ его сорвалъ, а ты, слѣпой!

Слѣпой.

Что-жъ! . . вяжите! судите! казните меня! . .
Смерть! . . все равно! . . и о чемъ жалѣть? . .
Вы говорите: «страшно глаза закрыть».
Они закрыты! Жизнь? — эта чашка, звонъ грошей и шумъ дождя.
Слѣпому легче умереть,
Чѣмъ вамъ зрячимъ жить.
Что-жъ ты не кричишь? тогда ты закричала,
Изъ за тебя я потерялъ его.
Кричи! теперь мнѣ не жалко
Ничего.

Клотильда.

Но если жизнь тебѣ постыла
Зачѣмъ ты взялъ Золотое Сердце?
Вѣдь оно жъ дышало и билось
Для жизни, а не для смерти.

Слѣпой.

Да! Я жить хотѣлъ! Слѣпой хотѣлъ увидѣть солнце!
Смѣешься ты? а знаешь сколько оно стоитъ? — тысяча червонцевъ!

Клотильда.

Несчастный! ты думалъ за деньги прозрѣетъ слѣпой?
Развѣ золото можетъ помочь?

Слѣпой.

Да! да! я слышалъ въ городѣ за одинъ золотой
Можно купить любовь.
Я не знаю — что это любовь?
У другихъ утро, вечеръ, у меня только ночь.
Люди говорятъ: ночью — звѣзды и поцѣлуи.
Но молчатъ звѣзды,
И только разъ, когда я былъ еще мальчишкой,
Я что-то въ кустахъ услышалъ,
Будто вѣтеръ еле-еле дуетъ
На розы,
Будто Мадонна плачетъ, и колокольчики — слезы,
Будто доносится рокотъ райскихъ струй —

Я слышалъ одинъ разъ — и это былъ поцѣлуй.
Люди говорили «онъ любитъ», «она любитъ»
Подавали милостыню, мимо шли.
Тридцать лѣтъ — вотъ здѣсь — въ этихъ смрадныхъ рубищахъ
Я считалъ гроши и думалъ о любви.
Я столько плакалъ одинъ, — другіе молились въ церкви, —
Что въ моихъ слезахъ могло-бъ утонуть еще одно сердце.
И сегодня предъ тѣмъ, какъ рѣшиться украсть
Я слышалъ рѣчи любви. Говорилъ какой-то богомолецъ тихо-тихо,
Но въ его словахъ шумѣла страсть,
Какъ шумитъ предъ грозой эта липа.
Онъ звалъ ее Маріей. Она отвѣчала.
Ея голосъ походилъ на твой, такой же звонкій и ласковый,
Какъ ласточка.
Она отвѣчала.
Я слышалъ. Я всталъ. Я сердце взялъ. Оно упало . . .

Клотильда.

Но развѣ она не говорила, что любовь это крестъ тяжелый,
Что душа отъ любви мертва?

Слѣпой.

Да, были печальны слова,

Но нѣженъ и сладокъ голосъ,
И вечеромъ, тогда я плакалъ надъ сердцемъ потеряннымъ,
Когда все было кончено,
Они снова пришли, ея голосъ неувѣренный
Ласкалъ еще слаще, звенѣлъ еще звонче.
Сегодня ночью они вдвоемъ . . . а кто со мной? . .

Клотильда.

Бѣдный слѣпой!

Слѣпой.

Да, бѣдный и слѣпой!
Вотъ смерть! а послѣ что будетъ съ душой?
Сердце похитилъ — еще впереди наказанье.
Будетъ снова ночь, и снова жечь невидимый пламень.
Отецъ сказалъ — согрѣшившему можетъ помочь,
И спасти его . . .

Клотильда.

Что?

Слѣпой.

Любовь.
Ради любви согрѣшилъ и любовью спасусь.
Да гдѣ ужъ тутъ . . .

Клотильда.

Я тебя боюсь.
Ты какъ земля — тепломъ и горемъ дышишь.
Тяжесть въ тебѣ и тишина.

Мнѣ кажется — я изъ тебя вышла
И въ тебя вернуться должна.
Отдать землѣ . . . забыть . . . забыть . . .
Слѣпой, а ты могъ бы полюбить?

Слѣпой.

Ты непонятлива — вѣдь я за золотой хотѣлъ
купить любовь.

Клотильда.

Чужую?

Слѣпой.

Хотѣлъ купить я вашу ночь
И звѣзды и поцѣлуи,
Чтобъ полюбить . . .
Никогда ни одна женщина со мной не разговаривала,
Не останавливалась надо мной.
Только иногда монахиня старая
Грошъ давала мнѣ «за упокой».
И никогда мою грубую руку
Я не опускалъ на дѣвичій лобъ,
Не распутывалъ шелестящихъ волосъ.
Мои губы лишь знаютъ землю сырую подъ
утро,
И холодъ Ея золотого Сердца.
Кого я могъ полюбить — вѣтеръ? шаги?
смерть?
Я взялъ Сердце, чтобъ услышать рядомъ
съ собою
Другое сердце, не золотое — живое.

Я хотѣлъ пойти въ таверну, дѣвушку найти
 и любить, любить . . .
Теперь . . . пропало навѣкъ . . . и о чемъ
 говорить? . .
Пора итти. Спасибо за бесѣду.
Твой голосъ нѣженъ, голосъ дѣвушки.
Кто ты? быть можетъ горожанка?
Или служанка изъ ближняго замка?
Почему ты здѣсь? . . всѣ въ церкви . . .
 кто ты? . . я прежде слыхалъ
Твой голосъ.
Кто ты?

Клотильда.
Я та, о комъ ты мечталъ.
Я любовь продаю за золото.

Слѣпой.
О если-бъ я Сердце Маріи сберегъ —
Я бъ купить твое сердце могъ!
А теперь . . . хоть одинъ золотой! . .

Клотильда *(показывая на чашку).*
За эти десять грошей — я пойду съ тобой
Нашъ домъ близко, у самой церкви.
Я дамъ тебѣ все.

Слѣпой.
И поцѣлуй?

Клотильда.
И сердце.
Идемъ, ужъ поздно.

Слѣпой.
Теперь я узнаю, что такое звѣзды,

Звѣзды свои, не чужіе.
А какъ зовутъ тебя?

Клотильда.

Марія.

(За сценой, въ церкви поютъ. Клотильда беретъ за руку слѣпого и ведетъ его)

Хоръ *(за сценой)*

Радуйся Пречистая! упованье наше!
Радуйся Марія, Сердце потерявшая!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Келья Клотильды. Монашеская кроватъ. На стѣнѣ большое Распятье. Окно. Дверь съ рѣшетчатымъ оконцемъ. Слѣпой на кровати. Клотильда безъ апостольника, у окна. Разсвѣтъ.

Слѣпой.

Какая радость! Это было? или сонъ?

Клотильда.

Ты развѣ можешь видѣть сны?

Слѣпой.

Я слышу сонъ — и все поетъ кругомъ.
Мнѣ часто снится колокольный звонъ,
И голоса волны . . .
Гдѣ я? въ веселомъ домѣ,
И это твое дыханіе?
Или только сплю у дверей часовни,
Голову склонивъ на раскаленный камень?
Скажи, это только приснилось?

Клотильда.

Нѣтъ, я съ тобой . . . это было . . .

Слѣпой.

Но гдѣ ты? я тебя не слышу! ты ушла?

Клотильда.

Я здѣсь — у окна. Свѣтаетъ.

(Слѣпой подходитъ къ окну)

Слѣпой.

Ночь прошла . . . Боже милосердный! . .
А любовь, любовь?
Одну минуту я держалъ Золотое Сердце,
И твое держалъ одну ночь.
Неужели выроню изъ руки дрожащей?
Нѣтъ, схвачу! не пущу!

(обнимаетъ ее)

Вотъ мое счастье!

(рукой касается ея лица)

Ты плачешь?

Клотильда.

Это утро . . .

Слѣпой.

Но почему ты плачешь? почему?
Какъ трава, она тоже плачетъ каждое
утро . . .
Не пойму . . .

(За стѣной поютъ монахини)

Хоръ монахинь.

Святая Марія, великая Труженица
Облаченная въ ризы жемчужныя,
Своими руками бѣлыми
Творишь Ты черное дѣло,
Свои слезы алмазныя

Проливаешь на гнойныя язвы.

Слѣпой.

Но гдѣ я? . . Это сонъ? и кто со мной?

Клотильда.

Это дѣвушки поютъ за стѣной.

Слѣпой.

Да, но онѣ пѣли,
Какъ наши монахини.
Здѣсь, въ этомъ домѣ веселья —
Пѣснь Богоматери?

Клотильда.

Наши дѣвушки утромъ всегда поютъ,
Послѣ ночи сладокъ разсвѣтный воздухъ.
Онѣ славятъ тяжелый трудъ
И блаженный сіяющій отдыхъ.

Слѣпой *(усмѣхается)*.

Совсѣмъ святыя.
Веселый домъ. А какъ его зовутъ?

Клотильда.

Домъ Маріи.

Слѣпой.

А! онъ для богомольцевъ, вѣрно?
Отъ монастыря сюда рукой подать.
Что-жъ! и къ вамъ приходятъ за сердцемъ,
Богъ знаетъ гдѣ надо его искать.
Всежъ чудно — святая обитель,
А рядомъ — какъ-никакъ — грѣхъ . . .

Клотильда.

Мы должны трудиться, а онѣ молиться
Обо всѣхъ . . .

О если бы кто-нибудь сегодня, хоть во снѣ,
И хоть немного, помолился обо мнѣ,
Помянулъ бы съ именами другими, святыми
Мое бѣдное, темное имя.

Слѣпой.

Остались въ церкви монахини молодыя,
Онѣ молятся всю ночь о сердцѣ Маріи.
Много ихъ . . .

Клотильда.

Если-бъ одинъ молился . . .

Слѣпой.

Одинъ? человѣкъ? . . я знаю ты многихъ любила.
Сколько грошей въ кошелькѣ — столько твоихъ поцѣлуевъ.
Завтра другой . . . нѣтъ! другой тебѣ измѣнитъ.
Другой заглядится на небо и возьметъ другую
А я . . .

Клотильда.

Бѣдный, большой младенецъ!
Если бы я могла тебя убаюкать —
Чтобъ ты не проснулся на жизнь, на муку . . .

Слѣпой.

Тебѣ сладко со мной? ты улыбаешься? улыбаться надо . . .

Нѣтъ, дай я погляжу . . .

(Проводитъ рукой по ея лицу)

На твоихъ губахъ я не слышу радости.
Другой? Люби меня! опять плачешь? . . .
теплыя слезы . . .
Зрячій другую полюбитъ, зрячій увидитъ
звѣзды,
А я ихъ слышу только въ тебѣ . . . съ
тобой . . .
Ты должна быть моей! моя навѣкъ!
Жена слѣпца, а тотъ человѣкъ . . .

Клотильда.

Онъ тоже слѣпой.
Онъ стоялъ рядомъ, и не видѣлъ меня,
Я близко была, онъ ушелъ прочь,
У него, какъ у тебя —
Глаза, а въ нихъ ночь.

Слѣпой.

Слѣпой? ты ужъ любила слѣпого? Это,
вѣрно, чужой, богомолецъ?
Здѣсь былъ слѣпой старикъ, но умеръ давно,
и не осталось больше . . .
У него много золота и серебра?

Клотильда.

Было много, онъ все потерялъ вчера.
Пресвятая Марія,
Помоги ему! просвѣти его!

Слѣпой *(смѣется)*.

Ты молишься о немъ, чтобъ онъ разбога-
тѣлъ, сталъ графомъ или герцогомъ?

Клотильда.

Чтобъ онъ нашелъ потерянное . . . сердце . . .
(Стукъ въ дверь. Клотильда открываетъ дверное оконце. Голова Изольды)

Изольда *(шепотомъ)*

Вы не спите?
Какая исторія! я знаю все отъ Алисы . . .
Это ужасно — для васъ такое испытаніе,
Но зато интересно — онъ прикинулся богомольцемъ —
Совсѣмъ, какъ въ рыцарскомъ романѣ . . .

Клотильда.

О комъ вы говорите, Изольда?

Изольда.

О комъ?
Конечно о немъ.
Онъ всю ночь молился въ церкви,
А теперь стоитъ у воротъ.
Ужъ три раза пробовалъ нельзя-ль пройти въ боковую дверцу.
Вдругъ онъ сюда придетъ?
Ахъ, онъ безумный!
И еще новость — Алиса что-то задумала,
Собрала народъ и всѣ кельи обыскиваетъ,
Они уже близко . . .
Вотъ и все . . . вы тоже на молитву?

Клотильда.

Нѣтъ, я всю ночь молилась.
(Изольда скрывается. Клотильда идетъ къ окну)

Слѣпой.

Эта дѣвушка говорила о томъ слѣпомъ?

Клотильда.

Да, о немъ.

Слѣпой.

Онъ придетъ сюда?

Клотильда.

Не знаю . . . можетъ быть придетъ . . .

Слѣпой *(обнимаетъ Клотильду).*

Не хочу! не отдамъ тебя! буду съ тобой!
У тебя долженъ быть только одинъ слѣпой!

(Клотильда отходитъ)

Обожди! Постой!

(Слѣпой ищетъ Клотильду ощупью, цѣпляется за ея рясу)

Клотильда.

О чемъ ты жалѣешь? Что тебѣ надо?
Вѣдь я дала тебѣ радость.
Больше отъ жизни ничего не получишь.
А смерть? . . смерть лучше!
Все забудется у смертной двери.
Обиды, разлуки, потери.
Тамъ сонъ, тишина, покой.
Только страшенъ этотъ часъ предсмертный.

Слѣпой.

Почему ты такъ говоришь? что съ тобой?

Клотильда *(прижимаетъ ладонь слѣпого къ своей груди).*

Слышишь, какъ бьется сердце.

Слѣпой.

Разъ на паперть упалъ птенецъ,
Я взялъ его и стиснулъ.
Онъ бился въ моей рукѣ,
Вотъ какъ твое сердце бьется,
Я думалъ онъ выскользнетъ . . .

Клотильда *(перебиваетъ его)*

Улетѣлъ?

Слѣпой.

Нѣтъ, задохся.

Клотильда.

Здѣсь тѣсно, душно . . . окно-бъ открыть . . .
(раскрываетъ окно, смотритъ въ него)
Спятъ еще . . .

Слѣпой.

Кто?

Клотильда.

Люди.
А то, что будетъ —
Не можетъ не быть.

Слѣпой.

Послушай, вѣдь ты привыкла любить —
Каждую ночь одно и тоже.
Почему-жъ ты мечешься?
Отъ тебя въ комнатѣ стало тревожно,
Будто вѣтеръ.
Ничего не будетъ . . . а послѣ, послѣ . . .
Просто ты ждешь другого гостя . . .

Клотильда.

Если-бъ ты зналъ кого я жду.

Онъ тоже ждалъ. Одинъ. Въ саду.
Слѣпой, ты знаешь Писаніе?

Слѣпой.

Слыхалъ отъ странниковъ.

Клотильда.

Онъ ждетъ. Одинъ. Всѣ спятъ.
Еще ночь. Еще земля. Еще садъ.

Слѣпой.

Кто ждетъ?

Клотильда.

Христосъ, и я, и ты, и всѣ.
Онъ ждетъ. Еще трава въ росѣ.
А тамъ ужъ дерево на крестъ рубятъ
И все, что должно быть — будетъ.
И въ росѣ земля. И спятъ люди.
Хоть бы кто-нибудь зналъ какая мука!
Хоть бы кто-нибудь не спалъ и плакалъ!
Но спятъ и тихо дышатъ — для нихъ утро
Обычное и ясное.

Слѣпой.

Ты что-то недоброе чуешь.
О комъ ты говоришь? кто идетъ?

Клотильда.

Тѣ что бичуютъ, и тотъ что цѣлуетъ.
Нѣтъ еще не пришли. Надо ждать, и когда конецъ?
Ужъ сплетаютъ терніи въ вѣнецъ.
Нѣтъ силъ больше . . .
Господи, доколѣ? Доколѣ
Томиться у смертныхъ дверей?

Идите! Идите! Скорѣй!

(За дверью голоса «Накрыли». «Словили». Слѣпой мечется по кельѣ въ ужасѣ. Клотильда недвижная у стѣны)

Слѣпой.

Это за мной! они узнали про Сердце!..

(Дверь открывается, входитъ Алиса, аббатъ, монахини и два богомольца. Пришедшіе не видятъ слѣпого, который забился въ уголъ)

Алиса.

Я такъ и знала — здѣсь герцогъ!

Богомолецъ.

Будь самъ король — онъ достоенъ наказанья.

Богомолка.

Ужасное блудодѣяніе!

Богомолецъ *(замѣчаетъ слѣпого)*.

Да это слѣпой!

(Всѣ въ удивленіи, еще плохо понимая, смотрятъ на слѣпого)

Богомолка *(разочарованно)*.

Слѣпой! а вы говорили, что герцогъ.

Слѣпой.

Все кончено... они пришли за мной...

(Кричитъ)

У меня нѣтъ Ея Сердца.

Богомолецъ.

Какъ ты смѣлъ? — такое святотатство!

Слѣпой.

Я уронилъ . . . я отдалъ обратно . . .

Алиса.

Злодѣй . . . Опорочилъ святую обитель . . .

Слѣпой.

У меня нѣтъ его! ищите!

Богомолецъ.

Да что ты вздоръ несешь! тебя нашли на мѣстѣ преступленія.

Слѣпой.

Неправда! Только Марія видала — она не измѣнитъ.

Аббатъ *(слѣпому).*

Ты здѣсь предавался блуду?

Слѣпой.

Чтожъ, мы не монахи, знаемъ нужды плотскія.
Какъ всѣ — я выбралъ подругу.
Вѣдь это веселый домъ Маріи? . .

Аббатъ.

Замолчи! Ты всю ночь оставался съ ней?

Слѣпой.

Да, но она получила за это десять грошей.

(Всѣ — въ негодованіи)

Богомолецъ.

За наши грѣхи Господь караетъ . . . вотъ и удостоились —
Вчера украли сердце, а сегодня другое . . .

Аббатъ.

Преосвященнѣйшій Епископъ

Сегодня прибудетъ въ нашу обитель.
Онъ судъ свершитъ надъ слѣпымъ и блудницей.
Ее мы здѣсь запремъ, а его отведите въ темницу.

(Богомольцы хотятъ схватить слѣпого, онъ вырывается; мечется по кельѣ и найдя Клотильду падаетъ на полъ, цѣпляясь за ея ноги)

Слѣпой.

Всю жизнь держали на паперти, а теперь я въ церкви.
Не пущу! Не отдамъ! это мое сердце!
Одинъ разъ отняли — теперь не отнимете!
Оторвите младенца отъ груди материнской!
Оторвите отъ ручья истомленнаго путника!
Оторвите мать отъ мертваго ребенка!
Оторвите отъ земли дерево сторукое!
Оторвите слѣпого отъ солнца!

Клотильда *(проводитъ рукой по головѣ слѣпого, какъ бы благословляя его)*

У тебя любовь.
Она есть и будетъ.
И то, что далъ Господь
Не отнимутъ люди.

(Слѣпого хватаютъ и выводятъ)

Богомолка.

Даже не стыдится! воистину паршивая овца!

Алиса.

Какой тихоней прикидывалась — я знала
это не спроста.

Аббатъ.

Ступайте! Молитесь Дѣвѣ Пресвятой!
Оставьте меня съ заблудшей овцой.
Молитесь усерднѣй, и вѣрьте —
Грѣшница покается предъ смертью.

(Всѣ уходятъ)

(Клотильдѣ)

Клотильда, въ нашемъ саду ты была самой
чистой лиліей,
Моей любимой дочерью.

Клотильда.

Отецъ, вы меня поймете...

Аббатъ.

Знаю, не десять грошей тебя соблазнили —
Но ты не устояла предъ возстаніемъ плоти.
Земная радость, какъ роза — опадетъ и что
послѣ?
За мигъ услады дала ты сердце свое.

Клотильда.

Не розы онъ принесъ, а гвозди
И копье.
Не на радость я шла. Я взяла его за руку.
Тихо было.
О, путь отъ церкви до этой кровати!
Только Господь послалъ мнѣ силы
Цѣловать и улыбаться.

Аббатъ.

Но зачѣмъ ты это сдѣлала?

Клотильда.

Отецъ, не вы-ль прославляли Святую Дѣву,
Свое сердце отдавшую нищему?

Аббатъ.

Безумная, грѣшная монахиня —
Ты смѣешь уподобить себя — и кому? —
Богоматери!

Клотильда.

Грѣшные, злые
Всѣ мы живемъ однимъ упованіемъ —
Уподобиться Христу и святой Маріи
Слезами, гвоздями, крестами.
И какъ дробится единое солнце
Въ капляхъ утреннихъ росъ —
Въ каждой душѣ, любовью полной,
Отраженъ, повторенъ Христосъ.
Въ эту ночь созрѣлъ еще колосъ
Нашей христіанской нивы,
Въ эту ночь Его крестъ тяжелый
Легъ еще на эти плечи нерадивыя.
Вы сказали — «кинь твое сердце высокое».
Глядите — оно въ грязи и растоптано.

Аббатъ.

Да, но бросить въ землю зерно для Бога,
А ты свое бросила на дорогу.

Клотильда.

На дорогу, и Богу, и звѣрю Божьему,
И Христу, и каждому прохожему . . .

Онъ руку протянулъ, онъ просилъ подаянія...

Аббатъ.

Ты должна была утѣшить его словами состраданья,
Помолиться о душѣ забытой,
Озарить его ночь свѣчей милосердія...

Клотильда.

Отецъ, ему были нужны не молитвы,
Но я, мое бѣдное тѣло и сердце.
Голодный хлѣба, только хлѣба хочетъ.
Все, что имѣла — ему я дала.
Траву придорожную всякій растопчетъ,
Но она для Бога и для всѣхъ цвѣла.

Аббатъ *(кричитъ)*.

Ты бредишь, Бѣсъ въ тебѣ! Отчаянье! Гордыня!

(нѣжно)

Гляди ты одна и всѣ тебя покинули.
Смирись! Покорись! Я — твой пастырь.
Клотильда, душу свою пожалѣй.
Я ее молитвой омою ласково,
На раны твои я пролью елей.
Прозрѣй, отрекись отъ того, что сдѣлала.

Клотильда.

Въ эту ночь, со слѣпымъ, я прозрѣла.
Вчера я была еще слабой дѣвочкой,
Я ужъ сдѣлала все, и не знала что дѣлаю.
Я за ночь выросла. Нѣтъ, я изъ себя проросла.

Вчера я «сестрой Клотильдой» была,
А сегодня ждетъ отпущенія
Простая темная женщина,
Даже безъ имени,
Всѣми покинутая.
Но въ позорѣ моемъ я свѣтла
И крѣпки эти слабыя плечи.
Изъ страдавшей души взошла
Любовь — человѣческая.

Аббатъ.

Слушай, Клотильда, смерть твое тѣло ждетъ,
Но что съ душою станетъ?
Гордая, взлетѣвъ высоко, упадетъ
Въ адовъ пламень.
И безъ надеждъ и безъ воспоминаній
Свободная, безлюбая, пустая,
На холодномъ и ровномъ пламени
Ты будешь горѣть не сгорая.

Клотильда *(потрясенная).*

Отецъ, пожалѣй меня.
Я боюсь не страшнаго огня,
Столько любви, я такъ хочу любить!
Неужели все забыть?..
Нѣтъ силъ прозрѣвъ вернуться въ ночь,
Вновь забыть, едва окрѣпшую любовь.

Аббатъ.

Господомъ, Апостоломъ Петромъ и святой
Церковью
Ключъ отъ рая мнѣ врученъ.
Слышишь вѣетъ вѣтръ предсмертный,

Скоро солнце встанетъ надъ твоимъ крестомъ.
Я грѣхъ твой могу отпустить,
Душу въ Отчій Домъ впустить.
Еще мгновеніе
И вспыхнетъ зарево рая.

Клотильда *(становится на колѣни).*

Отецъ, отпусти мои прегрѣшенія.

Аббатъ.

Кайся!
Здѣсь — предъ Распятымъ Христомъ —
Кайся во всемъ!

Клотильда *(предъ Распятіемъ въ изступленіи).*

Каюсь, что двадцать лѣтъ я убѣгала отъ муки,
Что было свѣтло мое сердце и бѣлы мои руки.
Двадцать лѣтъ я Тебя поминала много,
И на Тебя взирала, какъ на чужого, далекаго, Бога,
И только въ одну послѣднюю ночь
За Тобой пошла Твоя дочь.
И только одну ночь, забывъ о себѣ,
Я души не спасала и надъ ней не плакала,
И только на одну ночь уподобилась Тебѣ,
Распятому.

(Аббатъ слушаетъ ее въ ужасѣ)

(аббату)

Отпусти грѣхъ, отецъ.

Аббатъ *(кричитъ).*

Нѣтъ! Нѣтъ!
Грѣшницей жила и грѣшницей умрешь,
Отъ ада жизни въ вѣчный адъ уйдешь,
Человѣкъ здѣсь не можетъ помочь.
Прощай.. Да поможетъ тебѣ Господь,
Тамъ, на плахѣ, умирая,
Въ смертный часъ покаяться.

(Идетъ къ двери)

Клотильда *(вскакивая).*

Не соблазняй меня! пусть страшный часъ наступитъ,
Пусть гвозди пробьютъ эти руки,
Но встрѣтивъ смерть, прославлю я, отецъ,
Одну земную ночь,
Когда мертвый слѣпецъ
Пилъ изъ этой ладони жизнь и любовь.

(Аббатъ уходитъ, Клотильда въ изнеможеніи падаетъ на стулъ)

(Одна бормочетъ безсвязно)

Конецъ. Адовъ пламень. И не сновъ, ни времени . . .
Ничего. Даже память измѣнитъ.
Неужели въ аду и его забуду?
Нѣтъ. Нѣтъ. Хоть бы онъ пришелъ на судъ . . .
Еще разъ увидать его милыя грустныя губы . . .
Гіомъ! *(прислушивается. Скрипятъ, отпирая дверь)* Это за мной идутъ.

Все равно . . .

(Входитъ, осторожно озираясь, Изольда)

Изольда?

Изольда *(шопотомъ).*

Тише! Тише!
Услышатъ.
Здѣсь герцогъ.

Клотильда *(вскрикиваетъ).*

Гіомъ?

Изольда.

Молчите.
Онъ васъ спасетъ отъ смерти.
Онъ такой храбрый и дикій.
(Мечтательно)
Какъ онъ со мной говорилъ и звенѣлъ мечемъ.
(Тихо зоветъ)
Рыцарь Гіомъ!
Надо итти . . . жалко —
Я про такія встрѣчи только читала . . .

(Уходитъ. Входитъ Гіомъ и не глядя на Клотильду падаетъ предъ ней на колѣни)

Гіомъ *(будто въ бреду).*

Да. Да. Я все знаю . . .
Не могу безъ тебя. Все равно. Ты другая.
Что-жъ дѣлать? Не пойму. Не знаю.
Люблю. Не могу. Бѣжимъ. Я все устроилъ.
Привратникъ ворота откроетъ.

А тамъ сорокъ лье. Въ Бретани никто не задержитъ.
Не хочу. Не отдамъ тебя смерти.

Клотильда *(блаженно улыбаясь).*

Да, уйдемъ . . . или умремъ . . .
Теперь ты понялъ меня, Гіомъ?
Взгляни — ты меня видишь?

Гіомъ *(глядитъ на нее).*

Ненаглядная! любимая! мои волосы! я ихъ давно не видѣлъ.
Какъ же безъ тебя? все равно! и пусть гибель!
Золотыя волны. Песчинки морскія. Сколько ихъ . . .
Считать и не знать. Марія! Люблю! не могу больше!
Все равно, какъ ты хочешь . . .
Я такъ тебя ждалъ сегодня ночью . . .
(Вспоминая все, отстраняется, закрывъ лицо рукой)
А я еще молился сегодня ночью . . .

Клотильда *(нѣжно).*

Сегодня ночью въ первый разъ я испытала любовь мою,
Узнала, какъ я тебя люблю.

Гіомъ *(издѣваясь).*

Вѣрно не первый урокъ. Любишь съ толкомъ . . .
То-то ты говорила, что я любить не умѣю . . .

Клотильда.

Гіомъ!...

Гіомъ.

Что Гіомъ? съ нимъ веселѣе?
Или надоѣло?
(мѣняя тонъ)
Боже, что я дѣлаю?..
(съ мольбой)
Прости! Пойми! Я не знаю. Все это ложь.
Только люблю. Ты увидишь. Поймешь.
Я все забуду, глаза закрылъ... не помню, не знаю...
Марія! любимая! родная!
(Цѣлуетъ ея руки, встаетъ)
Идемъ! идемъ! нельзя дольше!
Насъ ждетъ Изольда.
Люблю...
(Беретъ Клотильду за руку, она встаетъ)

Клотильда.

Это правда? Ты вѣришь? не обманешь?
Что ты сдѣлалъ? ты будто сковалъ мои руки цѣпями.
Еще недавно была я крѣпка — не съ тобой, съ другими,
А теперь душа слабѣй былинки.
(Идутъ къ двери. Онъ ведетъ ее за руку)
Вотъ иду за тобой
Какъ дитя, какъ слѣпой.

Гіомъ *(останавливается)*.

Слѣпой?.. Какъ ты могла?.. Нѣтъ лучше не говорить...

Можетъ быть, когда-нибудь я смогу тебѣ
простить...

Клотильда *(отходя, удивленно).*

Простить?.. что простить?..

Гіомъ.

Твой грѣхъ... ну, слабость... обиду...

Клотильда.

Боже! ты ничего, ничего не видишь...

Гіомъ *(въ нетерпѣніи).*

Все равно. Идемъ!

Клотильда.

Нѣтъ, ты уйдешь безъ меня, Гіомъ.
Ты еще придешь ко мнѣ, увидишь, повѣришь —
Не теперь... послѣ... послѣ смерти...

Гіомъ *(растерянно).*

Что я сказалъ?.. Только, что ты согрѣшила...
Но вѣдь это же было.
Ты съ нимъ не молилась?..
Я постараюсь забыть... да, былъ, другой, любовникъ...
Я никогда тебѣ объ этомъ не напомню.
Я жду тебя! Скорѣй!

Клотильда.

Ты долго будешь ждать у дверей.
Оставь меня. Иди! иди!
Ужъ все ушло, только смерть впереди.

Г і о м ъ.

Но я пришелъ тебя спасти отъ муки, отъ суда...

К л о т и л ь д а.

Не спасти ты пришелъ, а предать!
Другіе пришли съ мечами, бичами,
А ты предалъ меня цѣлованіемъ!
Я ждала тебя съ такой любовью —
Ты пришелъ и глядѣлъ, и видалъ, и не понялъ.
Не понялъ, что въ эту ночь я была съ тобой...
Ты еще не любишь...

Г і о м ъ *(съ усмѣшкой).*

Не то что слѣпой?

К л о т и л ь д а.

Да, слѣпой полюбивъ увидѣлъ свѣтъ,
А ты отъ любви ослѣпъ.
Иди! оставь меня! эта ночь и вся жизнь межъ нами.
Не на землѣ суждено намъ свиданіе.
Вотъ смерть!.. Прощай Гіомъ!

Г і о м ъ *(хохочетъ неестественно).*

Все выдумки. Ты хочешь убѣжать со слѣпцомъ.
Парочка! конечно, онъ любить по настоящему можетъ...
Только я-бъ заплатилъ дороже. *(Уходитъ)*

К л о т и л ь д а *(подбѣгаетъ къ двери, тихо).*

Гіомъ! женихъ мой! любимый!
Боже, зачѣмъ Ты меня покинулъ?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Монастырская трапезная, низкая и темная. Длинный столъ, за нимъ епископъ, аббатъ и игуменья. Въ глубинѣ большая двустворчатая дверь. Направо маленькая дверца, черезъ которую входятъ свидѣтели и обвиняемые, у нея стоитъ привратникъ.

Аббатъ.

Святой отецъ, мы ждемъ суда суроваго и праваго.
Садовникъ душъ, свершите печальный обрядъ,
И вырвите съ корнемъ сорныя травы,
Чтобъ не заглохъ Маріи садъ.

Епископъ.

Воистину, мы омываемъ землю кровью, и очищаемъ ее огнемъ.
Въ первый разъ въ моей епархіи подобный грѣхъ учиненъ.
Пречистая Дѣва сама унесла свое Сердце,
Не могла Она сіять средь этой скверны.
Приступимъ къ допросу!..

Аббатъ *(привратнику).*

Впустите сестру Алису.

(Епископу)

Это монахиня, всѣ козни раскрывшая.

(Входитъ Алиса, кланяется)

Епископъ *(Алисѣ).*

Разскажи намъ все, что тебѣ извѣстно.

Алиса.

Ваше Преосвященство, не иначе какъ отъ бѣса.
Хоть стара я, и глаза ужъ не тѣ и ноги подкашиваются —
По мѣрѣ силъ за всѣмъ присматриваю.
Клотильду я давно подозрѣвала.

Епископъ.

Ты что-нибудь знала?

Алиса.

Нѣтъ, но она слишкомъ усердно молилась,
И никогда со мной не говорила.
Каюсь, по невѣжеству своему и невниманью,
Я заподозрила благороднаго рыцаря герцога Бретани.
Провѣрить въ келью я зашла
А тамъ . . . а тамъ . . . *(Мнется)*

Епископъ.

Что-жъ въ кельѣ ты нашла?

Алиса.

Дѣвичій стыдъ мнѣ говорить мѣшаетъ . . .

Аббатъ.

Говори, я разрѣшаю.

Алиса.

Въ кельѣ слѣпой, и никакого разумнаго отвѣта,
Только богопротивные слова и непотребство.
Слѣпой признался — съ нимъ согрѣшила она,
И получила за это десять грошей сполна.

Епископъ.

Какъ ты полагаешь — почему монахиня нашей обители
Могла на подобное дѣяніе рѣшиться.

Алиса.

Потребность въ блудѣ,
И еще корыстолюбіе.

Аббатъ.

Ступай!

(Алиса отходитъ, становится у стѣны)

(Привратнику)

Пригласите герцога Бретани.

(Епископу)

Клотильда, въ міру Марія дэ-Гирэкъ — была его невѣстой.
Я полагаю его показаніе
Будетъ значительно и вѣско.

(Входитъ Гіомъ)

Епископъ.

Сынъ мой, ты знаешь Клотильду съ дѣтскихъ лѣтъ —
Скажи вѣришь ли ты, что она совершила сей грѣхъ?

Гіомъ.

Да, отецъ.

Епископъ.

Но что увело на этотъ путь Клотильду?

Гіомъ.

Не знаю! О, если-бъ я зналъ —
вы-бъ ее не судили! . .

(Аббатъ шепчется съ епископомъ)

Аббатъ.

Иди!

(Гіомъ отходитъ въ сторону)

(привратнику)

Теперь приведи обвиняемыхъ!

Гіомъ *(про себя)*.

Зачѣмъ я здѣсь? . . не знаю . . .

(Слѣпого вводитъ привратникъ. Клотильду монахиня. За ней бѣжитъ Изольда съ чернымъ платкомъ въ рукѣ)

Изольда *(тихо)*.

Сестра Клотильда,
Вотъ платокъ я тихонько принесла, чтобъ
вы отъ стыда покрылись.

(Покрываетъ ее платкомъ. Клотильда и слѣпой подходятъ къ столу)

Епископъ.

Какъ могли вы открыть двери благочестивой обители
Врагу человѣческому, бѣсу искусителю?
Васъ смерть ожидаетъ.

Въ послѣдній часъ облегчите себя, покайтесь.

Слѣпой.

Да, я Сердце взялъ, для вора палача готовьте!
Даже смерть теперь мнѣ свѣтла.
Я согрѣшилъ для любви, и эта блудница любовью
Душу мою спасла.

Епископъ.

Хоть ты и слѣпъ, но видѣлъ, что дѣлаешь.
Она съ тобою пала, ты честь обители укралъ.

Слѣпой.

Упало Сердце Пречистой Дѣвы,
Но съ ней я его нашелъ и позналъ.

Епископъ *(аббату въ страхѣ).*

Онъ бѣсноватый? Эти рѣчи слушать страшно.

Аббатъ.

Душою слѣпъ. Его безполезно допрашивать.
Садись! *(Слѣпой садится на скамью)*

Епископъ *(Клотильдѣ.).*

Блудная дочь, ты признаешь, что съ нимъ совершила грѣхъ?

Клотильда.

Да, отецъ.

Епископъ.

Преступна ты вдвойнѣ, ибо дала обѣтъ цѣломудрія.

Какой позоръ! — монахиня повинна въ блудѣ!

Слѣпой.

Какая монахиня?

Епископъ.

Клотильда, раскрой предъ нами грѣшную душу . . .

Слѣпой.

Клотильда? монахиня? . .
Кто здѣсь? слушайте!
Довольно вамъ надъ слѣпымъ измываться!
О комъ вы говорили?

Епископъ *(аббату)*.

Онъ притворяется. *(Слѣпому)* О монахинѣ, согрѣшившей съ тобой — по имени Клотильда.

Слѣпой *(кричитъ)*.

Она монахиня? Мнѣ страшно!
О чемъ они говорятъ?
(Хватается рукой за глаза)
Глаза! . . глаза болятъ! . .

Епископъ *(Клотильдѣ)*.

Я знаю, ты дочь благороднаго сеньора, ты была невѣстой знатнаго рыцаря,
По доброй волѣ ушла отъ земной любви и богатства.
Какъ же ты могла соблазниться
Десятью грошами и этимъ бѣсноватымъ?

Слѣпой *(вскакиваетъ съ мѣста).*
Марія! Марія! ты была богатой! невѣстой
рыцаря!
Монахиней! Христовой невѣстой!
И ты все отдала, чтобы я слѣпой, нищій —
Увидѣлъ свѣтъ небесный?
Гдѣ ты? мнѣ больно... мечи... лучи...
Хоть бы увидѣть тебя!.. глаза!..

Аббатъ.
Молчи!

Слѣпой.
Дайте же мнѣ сказать!
(Общее смятеніе, только Клотильда спокойна)

Алиса *(подбѣжавъ къ столу).*
Ваше Преосвященство! дозвольте вымолвить слово!
Прикажите для скорости вывести слѣпого.
Съ утра богомольцы ждутъ конца послушно.
Примѣрное наказанье укрѣпитъ ихъ души.

Слѣпой *(машетъ руками).*
Вотъ оно близко, близко!
Слушайте! вы должны меня выслушать!

Епископъ.
Хочу я даже безумца послушать.
Все претерплю, что-бъ спасти его душу.
Говори! Ты былъ съ этой грѣшницей?
кайся!

Слѣпой.
Она не грѣшница... она... святая!

Алиса.

Я не могу слушать!.. святая — блудница!..

Гіомъ *(Алисѣ)*.

Молчите!

Слѣпой.

Я стоялъ, я кричалъ, я просилъ подаянья.
Любви, любви хоть предъ смертью.
Вы клали въ мою руку грошъ — камень,
А она положила сердце.
Она голодную душу насытила.
Я слышалъ вы въ церкви пѣли о милости,
О любви, о милосердіи...
Казните ее! она слишкомъ любила.
Грошъ — это люди даютъ, а Марія даетъ
свое сердце!
Она снизошла ко мнѣ...

Гіомъ.

Слышите?

Епископъ *(Гіому)*.

Тише, сынъ мой, тише. *(Слѣпому)*
Ты хочешь оправдать ее, и самъ грѣ-
шишь.
Подумай лучше о спасеніи своей души,
Омой себя отъ скверны.

Слѣпой.

Спасать себя? а развѣ она спасала свое
сердце?
Меня она спасла, меня и другихъ.
Вы знаете кто она? Утѣшительница всѣхъ
слѣпыхъ.

Оттого въ ней солнце и звѣзды.
Она со слѣпыми живетъ...
Сегодня утромъ я слышалъ на щекѣ ея
слезы —
Это она ждала другого слѣпого, говорила:
«вотъ утро и онъ придетъ».

Г і о м ъ.

Ты лжешь! Она ждала...

С л ѣ п о й.

Слѣпого,
Который все недавно потерялъ,
Она молилась, чтобъ онъ снова
Потерянное отыскалъ.

Г і о м ъ.

Марія! Марія!

С л ѣ п о й.

Черезъ нее прозрѣютъ всѣ слѣпые.

Г і о м ъ.

Святой Отецъ! остановите судъ! здѣсь
Божья тайна!
И что мы — слѣпые — знаемъ?
Раскройте двери! здѣсь темно! тамъ свѣтъ!
(Показываетъ на дверь)
Это судятъ меня и васъ, отецъ, и всѣхъ!
Грядетъ заря! ужъ небо въ пламени.
Его погребли, а Онъ воскреснетъ.
(Прислушиваясь)
Это слетающихъ ангеловъ
Свѣтлая пѣсня.
(Мѣняясь, тихо и грустно)

Но нѣтъ . . . не вижу, не слышу . . . здѣсь во тьмѣ остался . . .

Алиса.

Съ горя рехнулся . . . какая жалость! . .

Изольда.

А я думала — вотъ сейчасъ прилетятъ ангелы
И унесутъ его и Клотильду на небо.

Епископъ.

Сынъ мой, не нарушай нашей печальной работы! опомнись!
Конечно твои чувства понятны, твоя скорбь меня тронула.
Но дѣло ясно . . . Дальнѣйшія показанья ничего не измѣнятъ. *(Аббату)*
Я хотѣлъ бы выслушать ваше заключеніе.

Аббатъ.

Тяжело мнѣ . . . Но древо Христово любя,
Отрубаю заглохшую вѣтвь.
Ея смерть я беру на себя.
Она должна умереть.
Гордыня въ ней, себя возомнила зрячей, увела слѣпого,
Облекшись въ ризы милосердія.
Душу слѣпца погубила, она вдвойнѣ виновна.
Черезъ нее погибло Святое Сердце.

Слѣпой.

Какъ вы не видите? — она нашла Святое Сердце.

Аббатъ.

Съ нея много взыщется.
Святой отецъ, передъ вами не блудница, а еретичка!

Гіомъ *(аббату)*.

Отецъ, вы что-то знаете?
Откройте тайну, не то мы всѣ погибнемъ! берегитесь!
Что если она святая?
Говорите же! говорите!

Аббатъ.

Все въ рукѣ Господней, и всевѣдущъ Онъ одинъ.
Я больше ничего не скажу, мой сынъ! . .

Гіомъ *(Маріи)*.

Марія скажи! скажи скорѣе!
Одно слово и всѣ прозрѣютъ!
Я что-то вижу, но еще ночь, ночь . . .

Клотильда.

Я все сказала тебѣ, теперь говорить можетъ только Господь.

Слѣпой.

Судите любовь!

Епископъ *(шепчется съ аббатомъ, беретъ листъ и читаетъ)*.

Во славу единой, святой, апостольской Церкви —
Монахиня Клотильда и слѣпой безъ имени за блудъ присуждаются къ смерти.

Г і о м ъ.

Ее убить?
Безумцы! она невинна!

Е п и с к о п ъ.

Не убить, но казнить.
Печальная необходимость.

Г і о м ъ *(кидается къ Клотильдѣ).*

Я вижу тебя, Марія!
Не тѣло, не лицо — только Божій духъ.
Святые глаза . . . голубые . . .
Я за тобой иду,
Ты такая большая и свѣтлая —
Что могутъ всѣ молиться у этихъ ногъ.
И ты моя маленькая дѣтка,
Которую я несъ чрезъ ручеекъ.

А б б а т ъ.

Сынъ мой, надо смириться и вѣрить.

Е п и с к о п ъ *(аббату).*

Не зараженъ ли и онъ этой новой ересью?

Г і о м ъ.

И я распиналъ! . . я недостоенъ
Причаститься твоей высотѣ,
Но позволь, прозрѣвшему разбойнику
Умереть на такомъ же крестѣ!

К л о т и л ь д а.

Гіомъ, я люблю тебя всей моей слабой душой —
Теперь ничто не разлучитъ меня съ тобой!

Г і о м ъ.

Казните и меня! Мы долго блуждали,
Господи!
Встрѣтились мы у послѣднихъ вратъ,
Тихо улыбаясь, легкой поступью,
Мы войдемъ въ Твой сіяющій садъ.

И з о л ь д а *(плачетъ).*

Отпустите ихъ. Они такъ хорошо говорятъ!..

Г і о м ъ.

Вы думаете смерть? Вы плачете надъ нами?..
Ликуйте — это часъ великаго вѣнчанья!..
Какъ утренній вѣтеръ — дыханіе смерти.
Марія, я нашелъ твое потерянное сердце!

С л ѣ п о й.

Слышите — нашлось потерянное сердце!

К л о т и л ь д а.

Я нашла тебя. Помнишь ты говорилъ, что когда мы найдемъ другъ друга —
Это будетъ чудо...

С л ѣ п о й.

Слышите — чудо!

К л о т и л ь д а.

Гіомъ, любовь побѣдила...

Е п и с к о п ъ.

Ихъ надо увести...

А б б а т ъ.

Господь испытуетъ наши силы...

Слѣпой.

Вы слышите — оно загорѣлось,
Когда я взялъ вчера Святое Сердце...

Епископъ.

Какъ? ты похитилъ Святое Сердце?

Слѣпой.

Я говорю, а вы не вѣрите.
Я взялъ его, чтобъ освѣтить свою ночь,
Чтобъ за него получить любовь.

Аббатъ.

Ты смѣлъ своими руками его коснуться?

Слѣпой.

Вѣдь вы-жъ глядѣли на него, а мои глаза
это руки.
Вы сыты были — я въ нуждѣ укралъ небесный хлѣбъ.

Алиса *(всплеснувъ руками).*

Если-бъ онъ не былъ слѣпъ — онъ бы за
эти слова ослѣпъ.

Слѣпой.

Я взялъ его. Оно упало...

Епископъ.

Куда? куда оно упало?

Слѣпой.

Въ колодезь.

Алиса *(подбѣгаетъ къ столу. Аббату).*

Какое несчастье, ваше преподобье!
Вѣдь колодезь бездонный, его не достать
оттуда.

С л ѣ п о й.

Развѣ вы не слыхали, что свершилось чудо?
Оно упало въ мою душу, темную, какъ ночь,
Утонуло въ моей душѣ и въ вашихъ душахъ
нищихъ.
Но святая Марія послала любимую дочь,
Свое сердце за Нее положившую.
Въ эту ночь я позналъ золотую любовь.
Святое Сердце возсіяло вновь,
Марія его спасла! Оно взошло! глядите!

А б б а т ъ *(потрясенный, Клотильдѣ).*

Клотильда, и ты знала, кто похититель?..
Дьяволъ въ тебѣ!.. нѣтъ, Духъ Святой...
Дьяволъ! Дьяволъ!
Сгинь, бѣсъ! Слава Господу, слава!
Ты за Сердце должна пострадать, умереть.
Мнѣ страшно на тебя глядѣть.

С л ѣ п о й.

Она уже отстрадала за всѣхъ.
Неужели вы не видите, что Сердце показа-
лось?
Дайте глаза мнѣ... Зачѣмъ я слѣпъ?..
вотъ оно, чудо!..

Е п и с к о п ъ.

Увы! его нѣтъ — оно пропало.
Ты не только глаза потерялъ, но и раз-
судокъ.
Мы слушали тебя — довольно!
(Привратнику)
Ведите ихъ на эшафотъ.

Святая Церковь слезы льетъ, и въ умиленьи
молится,
Чтобъ сей обрядъ просвѣтилъ христіанскій
народъ.

(Привратникъ идетъ за слѣпымъ. Слѣпой мечется. Клотильда спокойно беретъ руку Гіома)

Гіомъ.

Съ тобой, Марія, теперь на-вѣкъ.

Клотильда.

Какой свѣтъ!

(Стоятъ, взявшись за руки. Аббатъ въ смятеніи закрываетъ лицо, чтобъ не видѣть Клотильды)

Епископъ.

Что съ вами, отецъ?

(Слѣпой вырывается изъ рукъ привратника; протянувъ впередъ руки, идетъ къ двери)

Слѣпой.

Не я слѣпой, а вы слѣпые!
Святое, сладчайшее Сердце Маріи!
Я слышу ты бьешься, ты дышишь!
Ты свѣтишь! гдѣ ты? здѣсь! близко!
Сердце Маріи!

(Раскрываетъ настежъ двери. Въ это время голоса богомольцевъ «чудо!» «чудо!» . . . «нашлось Святое Сердце» . . . Видна статуя съ ярко сіяющимъ сердцемъ. Въ залу вливается солнечный

свѣтъ. Всѣ застыли въ умиленіи. Слѣпой, сразу мѣняя шагъ, увѣренно бѣжитъ къ статуѣ)

Слѣпой.

Узрѣлъ!

(Падаетъ у статуи. Голоса «чудо», «чудо», «Слѣпой прозрѣлъ».

Епископъ.

Воистину чудо. Дѣти мои возвеселитесь.

Алиса.

Я такъ и знала — Господь печется о нашей обители.

Изольда *(Клотильдѣ).*

Ты совсѣмъ, какъ святая... ты улетишь или останешься съ нами?..

Гіомъ *(Клотильдѣ).*

Я не смѣю быть съ тобой... ты небесная...

Клотильда.

Съ тобой — твоя земная невѣста.

Я люблю тебя... Святое Сердце нашлось...

Гіомъ.

Мы вмѣстѣ... А это что?..

(Показываетъ на статую)

Клотильда.

Это? это — любовь.

(Въ дверяхъ толпятся богомольцы, среди нихъ воры)

Богомолка.

Какія дѣла! настоящее чудо узрѣть сподобились.

2-ой воръ *(богомолкѣ).*

И не одно, а два — по щедрости Господней.

Богомолка.

Ты-то чего радуешься? небось вашъ грѣхъ.

3-ій воръ.

Напрасно вы оскорбляете нашъ цехъ.

Его укралъ не воръ, а любитель, поэтому все и приключилось...

1-ый воръ.

Прославимъ Святое Сердце,
Грѣшныхъ упованіе,
И нашего святого Дюльбера,
Покровителя всѣхъ воровъ Франціи.

(Становятся на колѣни и молятся. Во время предыдущей сцены постепенно всѣ опустились на колѣни, кромѣ Клотильды и аббата, который сидитъ по прежнему, закрывъ лицо рукой. Гіомъ у ногъ Клотильды)

Аббатъ *(встаетъ, идетъ къ Клотильдѣ).*

Былъ Богъ и я не видѣлъ Бога.
Былъ день и я не видѣлъ дня.
Я поднялъ мечъ... Спросилъ Онъ ласково и строго.
Савлъ. Савлъ! что ты гонишь Меня?
Я — Савлъ! служитель Бога — Савлъ! неистовый! слѣпой!
Я гналъ Его. Его я звалъ на бой.
И вотъ мой мечъ тяжелый
Однимъ дуновеніемъ сломленъ.

И глаза — вѣковыя темныя стекла —
Омыты первой слезой,
И въ первый разъ, младенецъ беззаботный.
Я вижу день святой и золотой,
Маріи Сердце и любовь.

Клотильда *(становится на колѣни).*
Отецъ, благослови твою дочь!

Аббатъ.
Недостойны руки земныя
Коснуться чела, на которомъ лежала рука Маріи.

(Опускается на колѣни)

Хоръ богомольцевъ.
Прозрѣвшіе слѣпые
Мы прославляемъ Тебя, Марія.
Потерянные и темные
Прославляемъ Сердце обрѣтенное,
Умерщвленное, погребенное и воскресшее изъ мертвыхъ,
Золотое, цвѣтущее Сердце.

Москва, 1918 г.

ВѢТЕРЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Альда Романьесъ
Діего Романьесъ, ея братъ
Луисъ
Графъ
Духовникъ
Поэтъ
1-ая барышня
2-ая барышня
Дама
Тереза, старая служанка въ домѣ Романьесъ
Хорхэ Гонгора
Педро, Пабло, Родриго — революціонеры
Комендантъ трибунала
1-ый судья
2-ой судья
Старый рабочій
Молодой рабочій
Бабка

Нищій
1-ый повстанецъ
2-ой повстанецъ
3-тій повстанецъ
4-ый повстанецъ
Женщина съ ребенкомъ
1-ый прохожій
2-ой прохожій
3-тій прохожій
1-ый часовой
2-ой часовой
Повстанцы, зѣваки, солдаты
Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Картагенѣ въ 1873 году

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Площадь города. Въ глубинѣ дворецъ правителя съ большимъ балкономъ. Ночь.

Н и щ і й.

Охъ, вѣтеръ, вѣтеръ!..
Никого не встрѣтишь.
(прислушиваясь)
Палятъ. Тоже! работаютъ!
Вѣдь вѣтеръ какой, и кому охота?..
Третій день, мука чистая...
Какъ кто кого увидитъ — обязательно выстрѣлитъ...

(Съ разныхъ сторонъ входятъ повстанцы)

1-ый повстанецъ.

Ни зги.
Кто тамъ? свои? враги?

2-ой повстанецъ.

Кто тамъ? отвѣчай!

3-ій повстанецъ.

Стрѣляй!

1-ый повстанецъ.

Вы кто? за кого?

2-ой повстанецъ.

Мы то? Мы за народъ.

1-ый повстанецъ.

Ишь, что несетъ! Теперь всѣ «за народъ».

3-тій повстанецъ.

Чего тамъ разбирать —
Стрѣляй!

(Наводитъ винтовку)

1-ый повстанецъ.

Стрѣляй!
Ура! за федерацію!

2-ой повстанецъ.

Фе-дерацію? Чортъ побери, да вѣдь это наши!

3-тій повстанецъ.

А ты толкомъ спрашивай.

1-ый повстанецъ.

Жутко — какъ бы ихнихъ не встрѣтить.

Нищій.

Охъ, и вѣтеръ же, вѣтеръ!..

3-тій повстанецъ *(нищему)*.

А ты чей?

Нищій.

Я вродѣ какъ самъ по себѣ, то есть ничей.
Мы люди мелкіе, бѣдные...

(Вбѣгаетъ 4-ый повстанецъ)

4-ый повстанецъ.

Побѣда! побѣда!

2-ой повстанецъ.

Ты кто? отвѣчай?

4-ый повстанецъ.

Сдавайтесь! мы побѣдили!
Долой насильниковъ!

3-тій повстанецъ.

Стрѣляй!

4-ый повстанецъ.

Чего тутъ стрѣлять! побѣдили!

Нищій.

Какъ увидитъ — выстрѣлитъ.

1-ый повстанецъ.

Кто побѣдилъ?

4-ый повстанецъ.

Мы! федералисты!

(Крики — «да здравствуетъ революція!» Чей-то одинокій возгласъ «долой!». На площадь приходятъ рабочіе, прохожіе, старуха)

Нищій.

Вотъ сейчасъ подерутся!

4-ый повстанецъ.

Кто кричитъ «долой»? держите его!

Прохожій.

Это я кричалъ «долой короля и всѣхъ притѣснителей».

Нищій.

Еще будутъ драться.

1-ый повстанецъ.

Не надо поддаваться!
Это провокація!

4-ый повстанецъ.

Самъ Гонгора сказалъ, что подписана сдача.

(старику)

Ты чего плачешь?

Радоваться надо.

Старикъ *(испуганно).*

Такъ я не плачу... это отъ радости...

(про себя)

Что будетъ съ нами?

Что будетъ съ Испаніей?

Тридцать лѣтъ я рубился подъ этимъ знаменемъ...

Бабка.

Что-что, а картошка дешевле будетъ, по новому значитъ.

1-ый повстанецъ.

Гражданка, вы удивительно несознательны!

2-ой повстанецъ.

Провокація!

Прохожій.

Кто провокаторъ?

2-ой повстанецъ.

Смерть провокаторамъ — топить ихъ надо.

Педро.

Граждане, не омрачайте нашей радости!

Вѣдь это великій праздникъ.

Новый міръ...

1-ый прохожій.

А позвольте васъ спросить какая разница?

2-ой повстанецъ.

Можно по пальцамъ сосчитать:
Вотъ ты получалъ два песета, а теперь будешь получать пять.

Молодой рабочій.

Каждое слово — молитва... братство... слышите братство...
Свободная коммуна... федерація...
Какой свѣтъ!..

Нищій.

Тьма кромѣшная, а ему свѣтъ!

Старый рабочій.

Сорокъ лѣтъ подымалъ я тяжелый молотъ.
Подымалъ, опускалъ, проклиналъ я долю мою,
Теперь я воленъ, голъ и молодъ,
Звѣзды расплескаю, души раскую:
Гонгора разбудилъ насъ, какъ крикъ, какъ плачъ.

1-ый повстанецъ.

Гонгора — на горѣ первый трубачъ.

2-ой повстанецъ.

Гонгора — моря гулъ протяжный.

3-тій повстанецъ.

Гонгора — пѣтухъ на стражѣ.

Старуха.

Пресвятая Дѣва, Гонгора — пророкъ.

Молодой рабочій.

Гонгора — на заводѣ безумный гудокъ.
Онъ звалъ дремавшихъ насъ,

Онъ слалъ гонцовъ за нами.
Кто-то спросилъ: гудокъ . . . который часъ?
И онъ отвѣтилъ: это часъ возстанья!

Педро.
Граждане, Гонгора сейчасъ будетъ привѣтствовать побѣдившій народъ,
Съ этого балкона.

Женщина *(подымаетъ ребенка).*
Гляди! онъ сейчасъ придетъ.
Гляди и запомни — ты видѣлъ Гонгору.

Ребенокъ.
Это король? или папа?
У него на мантіи алмазы?

Женщина.
Нѣтъ, это только святой каторжникъ.
У него отъ цѣпей на тѣлѣ язвы.
(Входятъ Альда и Діего, закутанные въ плащи съ капюшонами)

Діего.
Уйдемъ отсюда, насъ могутъ замѣтить,
И потомъ холодно . . . вѣтеръ . . .

Альда.
Нѣтъ я хочу посмотрѣть этого шута изступленнаго,
Вѣдь они имъ бредятъ: «Гонгора! Гонгора!»

Діего.
Но это неблагоразумно . . . толпа возбуждена . . . что за охота . . .
Вѣдь если насъ узнаютъ — будетъ плохо . . .

Альда.

Насъ не увидятъ . . . темно . . .
И потомъ я не уйду . . . — все равно . . .
(Входитъ Гонгора. Привѣтственные крики: Гонгора! Гонгора! зажгите факелы! Всѣ факелы, кромѣ одного, гаснутъ на вѣтру)

Нищій.

Ишь, вѣтеръ гаситъ.
Одинъ горитъ . . .

Женщина *(ребенку)*.

Это Гонгора — смотри!

Гонгора.

Они сражались подъ знаменемъ смерти,
За банки и за замки, за чины, за гербы, за могилы.
Мы за жизнь умирали, дышетъ дерзкое сердце
Тѣмъ, что еще не свершилось.
Мы за нерожденное, за непришедшее, за то, что только будетъ.
За то, чего, можетъ быть, никогда не будетъ.
Прекрасенъ градъ обѣтованный,
Но еще прекраснѣй дикій путь.
Праздновать рано.
Нельзя передохнуть.
Дальше! дальше! надо торопиться!
Дальніе братья, возстаньте!
Пусть наши крики — быстрыя зарницы
Вспыхнутъ на небѣ усталой Франціи.

Всюду враги! столько измѣнъ!
У «Желѣзныхъ Воротъ» еще бой. Король
послалъ войска на Картагенъ.
У нихъ золото и поэты, пушки и адвокаты.
У насъ только руки, и цѣпь на нихъ еще
гремитъ.
Но если всѣ огни погаснутъ — вотъ этотъ
малый факелъ
Ярче вспыхнетъ и зажжетъ горючій міръ.

Діего.

Уйдемъ! я не могу больше! слышишь
Какъ онъ морочитъ этихъ нищихъ!..

Альда.

Обожди еще!.. Діего, а что если мы погибли?
Нѣтъ, но мы наканунѣ...
Помнишь — въ Библіи
О такомъ священномъ безуміи...

Діего.

Ты бредишь? Надо итти! оставаться дольше
глупо,
И передъ нашимъ дѣломъ преступно.

Молодой рабочій.

Браво! Гонгора! сердце солнца горячѣй!
Имъ не залить угли-глаза!

Старуха.

Браво! браво! теперь мы будемъ жить почище
богачей,

Если только не отнимутъ назадъ.

(Голоса: Гимнъ! Гимнъ! Толпа поетъ)

Хоръ.

Довольно ива клонила тяжелую вѣтвь,
Сердце стыло въ глуби.
Жить — это пѣть,
И любить, и убить.
Разсыплемъ святцы — золотыя бусы,
Звѣзды раскидаемъ по небу,
Чтобы было весело и пусто
Новымъ людямъ въ старомъ домѣ.
Мудрецы, берегитесь! Нынче пляшутъ
дѣти,
Надъ вашей мудростью смѣются,
Это — вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ,
Революція!
Еще столько странъ, гдѣ пламя не вспых-
нуло.
Но что насъ сегодня удержитъ?
Эй, встрѣчный, дай мнѣ летучую искру —
Я зажгу мое легкое сердце.
Бей же крылами, безумный пѣтухъ!
Гори, лети, отъ края до края,
Чтобъ во вѣки вѣковъ не потухъ
Пожаръ, что въ ночи разгорается.
Знамя въ кровь опусти и вздыми — факелъ
ярости свѣтитъ,
И съ него кометы дерзкія льются.
Это — вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ,
Революція.

Сколько весенъ еще, сколько буйныхъ лунъ!
Любите! рубите! крушите пока не поздно!
Вытопчи землю, ликующій бунтъ,
Очерти небеса красноперыми грозами!
Ничего не оставимъ! дальше! дальше!
Мы не были, нѣтъ насъ, мы только будемъ...
Приплываемъ и причалимъ и снова отчалимъ,
Нѣтъ у насъ отчизны, кромѣ вьюжной вьюги.
Слышите — стало по новому на свѣтѣ —
Въ хороводы народы плетутся, несутся и бьются.
Это — вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ,
Революція.

Діего.

Пародія! гимнъ разбойниковъ!
Можно-ль сравнить его съ нашимъ!

Альда.

Да, нашъ торжественный, спокойный,
А отъ этого страшно.

Діего.

Идемъ! я чую что-то недоброе.

Альда.

Обожди! еще минуту... ради Бога!..

Гонгора.

Быть можетъ среди васъ есть сторонникъ централистовъ?
Пусть онъ открыто выступитъ,

Пусть защититъ короля передъ всѣми.
У насъ свобода мнѣній!
Нѣтъ никого? Я думалъ, что мои противники смѣлѣе,
И говорятъ не только передъ своими лакеями.

1-ый прохожій.

Они трусы! какъ что — «мы, то есть, отстраняемся».

2-ой прохожій.

Хоть левъ на гербѣ, — повадки заячьи.

Діего.

Неправда! они воины!..

Альда.

Діего!.. Господи!.. что это?..

Діего *(Гонгору)*.

Ни ты, ни я — мы не искали этой встрѣчи.
Судьба свела насъ. Я тебѣ отвѣчу.
Есть мудрые законы Бытія:
Стройно свѣтила текутъ, мѣрно растетъ придорожная травка.
Весной зеленѣютъ горькія поля,
Чтобъ вздымались цѣпы опоеннаго августа.
Есть день и ночь. Покой. Предѣлъ. Крѣпка земная твердь.
Ты можешь измѣнить названья, карты, флаги.
А усталость? а роздыхъ? а смерть?
Развѣ ты съ ними сладишь?
Мѣняй иль не мѣняй — земля не знаетъ перемѣны...

Гонгора.

О, какъ я ненавижу вашу землю!
Надо мной пустыя небеса — звѣзды отсвѣтившія.
Подо мной земля, въ ней гроба, кости, истлѣвшія кости.
Я боюсь ступать по землѣ! вся земля — кладбище.
Не хочу ни смерти, ни сна, ни осени.
Только мартъ я люблю, и громъ, зеленый громъ,
И еще люблю — проснуться слишкомъ рано...
Мы вѣдь міръ перестроимъ заново,
А если не сможемъ — изъ міра уйдемъ.

Діего.

Тебя ведетъ только зависть и злоба.
Ты кричишь, а солнце сіяетъ какъ прежде...

Гонгора.

Чтожъ! если надо я выстрѣлю въ солнце!..

Діего.

Ты не мятежникъ, не преступникъ, нѣтъ,
Просто слѣпецъ.
Да, можно свергнуть короля, но обывателя, что жаждетъ хлѣба и покоя, — его не низложить.
Онъ трижды правъ за кувшиномъ вина въ уютномъ домѣ.
На кого ты возсталъ? — на жизнь,
На гармонію.

Гонгора.

Гармонія, законы и права, —
Какія непонятныя слова!
Надо умѣть ненавидѣть, надо одну только искру и много, много вѣтра,
Чтобъ отъ вашей гармоніи осталась горсточка пепла.

Діего.

Вы-ль это говорите, сеньоръ Гонгора?
Вы не пастухъ, не погонщикъ мула, вѣчно пьяный —
Значитъ вы ихъ обманываете!
Я кое-что слыхалъ о васъ. Вы учились въ Саламанкѣ.
Въ Магдебургѣ спорили о Кантѣ,
Портили глаза надъ сказками Прудона,
Вашъ умъ скептическій цѣнили профессора Сорбонны,
И въ мадридскихъ журналахъ не разъ я встрѣчалъ это имя — «Гонгора».
Вы не сапожникъ, не младенецъ, даже не поэтъ,
И вы предъ ними повторяете вотъ этотъ бредъ?

Гонгора.

Не я говорю, не Гонгора.
Развѣ я могъ бы говорить такъ дерзко и громко?
Говоритъ вотъ этотъ парень и та старуха, и вся толпа.

Я только труба.
Говоритъ вѣтеръ съ каменной Сьерры.
Тамъ вопитъ пастухъ въ грубой козьей шкурѣ,
Какъ я — носитель новой вѣры,
Апостолъ бури.
На моей щекѣ ледяное дыханье Сибири...
Ползетъ изъ Сахары сирокко душный и трепетный...
О, какъ много вѣтра стало въ мірѣ!..

Діего.

Ты смѣешь говорить...

Гонгора.

Нѣтъ, не я, только вѣтеръ.

Альда.

Все это такъ страшно... мнѣ кажется порой, что онъ пророкъ...

Діего.

Юродивый иль ловкій демагогъ.

(Про себя)

Я не могу. Пусть это безумье. Не знаю.
Кто-то во мнѣ подымается грозный, нечаянный.
Ихъ много — я одинъ. Все равно. Пусть конецъ.
Я молчать не могу. Вѣтеръ и во мнѣ.

(Толпѣ)

Рабы, вы прахъ, вы пыль! На мигъ вы возмутились,
Чтобы потомъ на землю пасть. Все это такъ старо...

Я слабый человѣкъ, но я кричу: «да здравствуетъ король
Леона и Кастиліи!»

(Смятеніе. Враждебные крики. Толпа обступаетъ Діего)

1-ый повстанецъ.

Провокаторъ!

2-ая барышня.

Мадридская собака!

Педро *(заглядываетъ въ лицо Діего).*

Ахъ! это Діего Романьесъ, главарь аристократовъ...

Прохожій.

Къ стѣнкѣ! куда ты, куда!..

Педро.

Онъ умретъ, какъ врагъ народа, но нельзя-жъ безъ суда.

Прохжій.

Мы слишкомъ долго ждали!

Педро.

Граждане подождите полчаса — вѣдь судъ простая формальность.

Прохожій.

Мы не можемъ ждать! смерть роялистамъ!

Нищій.

Вотъ — вотъ сейчасъ выстрѣлятъ!

Педро.

Гражданинъ Гонгора, по моему его придется увести —
Опасны эти бредни.

Гонгора.

Ведите!.. Устоять онъ думалъ на моемъ
пути...

Вотъ крестъ... о, если бы послѣднiй!..

(Дiего уводятъ. На сценѣ остается Гонгора, Альда и на ступеняхъ балкона нищiй)

Альда.

Скажите, что они сдѣлаютъ съ братомъ?

Гонгора.

Ахъ, это вашъ братъ!.. не знаю...

(За сценой голоса: «Смертъ, смертъ аристократамъ!»)

Альда *(про себя)*.

Зачѣмъ я здѣсь, съ этимъ сумасшедшимъ?
Просить некого, говорить нечего...
А ноги будто приросли къ этому камню...
Ужъ я — не я... кто-то несетъ насъ...
играетъ нами...

(Гонгорѣ)

Что они сдѣлаютъ съ братомъ?

Гонгора.

Я ужъ сказалъ... судъ, строгiй судъ народа, должная расплата...

Альда.

За что? за прямоту? за то, что онъ толпѣ
не льститъ?

Гонгора.

За то, что мы летимъ, а онъ стоитъ.
«Да здравствуетъ король» —

Это грязное захватанное серебро,
Придворные, вино изъ Хереса, а у голодной матери,
Младенецъ тянется къ груди изсохшей... слабѣе... слабѣе...
Берегитесь! тысячи мертвыхъ младенчиковъ синими ручками схватятъ
Это нѣжное кружево на вашей дѣвичьей шеѣ.
Дѣвки изъ порта, которыя спятъ каждую ночь съ дюжиной матросовъ,
Грузчики, что плюются кровью, надрываясь,
Скорняки, вшивые, мозолями, какъ гнойной корой, обросшіе...
Впрочемъ, это васъ мало занимаетъ!..
Вашъ братъ хотѣлъ «возстановить порядокъ»...
Для насъ это висѣлицы, для васъ заслуженный отдыхъ, балы и награды.
Онъ зналъ одно: на помощь банды короля идутъ.
Придутъ-ли? Посмотримъ!.. теперь пусть узнаетъ нашъ судъ!

Альда.

Никто изъ насъ не знаетъ, что впереди.
И кто вамъ далъ право судить?
У каждаго своя правда, каждый Господа по своему славитъ.
Почему вы увѣрены, что только вашъ путь — правильный?

Гонгора.

Былъ рай Христа въ голубенькомъ небѣ съ розовыми ангелочками,
А вашъ братъ устраивалъ еще собственный рай — чего лучше —
За бутылкой ликера, съ танцовщицей, ночью...
Одинъ рай для жизни, другой, Христовъ, на всякій случай...
Нашъ рай — дорога въ край,
Куда нельзя никогда притти,
Нѣтъ рая выше, чѣмъ борьба за рай,
Нѣтъ счастья слаще, чѣмъ всегда итти.

Альда.

Но если люди въ этотъ рай не захотятъ?
Что, если имъ милѣй привычный съ дѣтства адъ?

Гонгора.

Я ихъ заставлю! я сожгу ихъ затхлый домъ.
Слѣпцовъ надо въ рай загонять бичемъ!..

Альда.

Въ рай загонять?.. вы не смѣетесь?.. О, какъ я тебя ненавижу!..

(Идетъ къ нему, всходитъ на ступени веранды)

Но отчего меня влечетъ къ тебѣ, и ты все ближе?
У тебя твоя правда, не моя, другая... вѣдь есть тысячи правдъ.

Можетъ быть, я ее узнаю, не теперь, потомъ, отстрадавъ.

Гонгора.

Мнѣ жаль васъ, вашъ отецъ академикъ, вѣрно профессора и адвокаты нянчились съ вами,
Но бѣдны и темны, какъ наша Испанія.
Вы не знали движенья, волненья, творческихъ мукъ.
Вы какъ земля, которую еще не взрѣзалъ плугъ.
Читаете «Подражанье Христу», васъ убаюкиваютъ монахи хитрые —
Ученики проклятыхъ инквизиторовъ...

Альда.

Вы мнѣ напомнили... У насъ въ галлереѣ есть старый портретъ,
Вы такъ на него похожи,
Тотъ же дикій рай въ глазахъ, жестокій свѣтъ,
Такія же руки ропотныя и тревожныя...

Гонгора.

Кто-жъ мой двойникъ? безпечный поэтъ? каторжникъ? иль шалый капитанъ?

Альда.

Главный Инквизиторъ отецъ Хуанъ.

Гонгора.

Я?..Инквизиторъ?..нѣтъ! послушайте... лицо порой обманываетъ:
Вотъ вы непохожи на свѣтскую даму.

Въ васъ тотъ же огонь . . . вы могли быть съ нами.
Но вы — донья Альда Романьесъ.
Враги! . . а меня къ вамъ что-то тянетъ . . .
Прощайте! Я — «вождь разбойниковъ», вы — добродѣтельная роялистка,
Нашъ разговоръ можетъ показаться подозрительнымъ.

(Подаетъ руку)

Альда *(про себя)*.

Какія руки! . . летучій пламень . . .

(Громко)

Скажите, неужели вы-бъ могли вотъ этими руками? . .

(Входитъ Педро)

Педро.

Гражданинъ Гонгора, тамъ девять заговорщиковъ поймали,
Васъ ждутъ въ Верховномъ Трибуналѣ.

Гонгора.

Иду. *(Альдѣ, подымая руку)* Да! вотъ этой рукой!
Прощайте!

(Уходитъ)

Нищій.

Вѣтеръ то какой!

Альда.

Ушелъ. Трибуналъ. Что будетъ съ Діего?
Братъ или врагъ? недругъ иль другъ?

Всѣ мы въ ночи другъ друга не видимъ,
сирые, бѣдные,
Огоньки на вѣтру...

Н и щ і й.

Христа ради, одну монету.

(Альда даетъ монету)

Пять песетовъ!

(Разглядываетъ ее)

Король, нашъ добрый старый король, гдѣ
ты?
Ахъ, госпожа, если бы вы родились на пять-
десятъ лѣтъ раньше.
Какъ было тихо, хорошо въ нашей Испаніи.
Всѣ короля любили, молились и жили спо-
койно,
А хлѣбъ! вѣдь хлѣбъ ничего не стоилъ!..

А л ь д а.

Какъ странно!
Я ненавижу этихъ повстанцевъ!
Я ненавижу ихъ пѣсни — хула и злоба —
въ каждомъ словѣ.
Я ненавижу ихъ флагъ — онъ пропитанъ
еще теплой кровью.
Они не люди, они не плачутъ, и по-ребячьи
не смѣются,
Я ихъ ненавижу! Я ненавижу революцію!
Но это такъ странно — ты испугаешься —
Я сама себя не понимаю —
Я рада, что живу въ это время,
Когда жить не подъ силу,

Что вотъ эта ночь осенняя
Мнѣ не только приснилась.
Что можетъ на муку, можетъ на смерть
Его я встрѣтила,
Что влетѣлъ въ мое сердце
Вѣтеръ...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Залъ въ домѣ Романьесъ. Сумерки.

Графъ.

Эти бродяги побѣдили!

1-ая барышня.

Какой ужасъ!

2-ая барышня.

Торжество насилія!

Графъ.

Они арестовали вашего брата! посмѣли его коснуться!

Конечно, это недоразумѣніе и его сегодня же выпустятъ...

Альда.

Мы ждемъ Діего съ минуты на минуту.

Дама.

Но пережить этотъ день — какая пытка!

Графъ.

Мы всѣ отнынѣ — на Голгофѣ.
Доколѣ, Боже?

Дама.

И представьте — сегодня мнѣ подали кофе
Безъ пирожныхъ!

Графъ.

А мнѣ сегодня Господь послалъ страшное испытаніе.

2-ая барышня.

Святая Дѣва! что они сдѣлали съ вами?

Графъ.

На главной улицѣ какой-то лудильщикъ или сапожникъ

Назвалъ меня... мнѣ право стыдно повторить предъ вами это прозвище...

1-ая барышня.

Онъ, вѣрно, назвалъ васъ королевскимъ шпіономъ?

2-ая барышня.

Или мадридскимъ наемникомъ?

Дама.

Или притѣснителемъ?

Графъ.

О, если бы такъ! гораздо оскорбительнѣй!..

Меня — дона Пабло-Эльясъ-Фернандесъ-Клара-Барга-Вариносъ —

Онъ назвалъ... гражданиномъ!

1-ая барышня.

Какая ужасная вѣсть!

2-ая барышня.

Этого нельзя перенесть!

Дама.

Они готовы надругаться надъ всѣмъ святымъ!

Донъ Пабло-Фернандесъ...

Г р а ф ъ *(поправляетъ).*

Донъ Пабло-Эльясъ-Фернандесъ . . .

Д а м а.

. . . Гражданинъ!

Г р а ф ъ.

Лучше смерть! мы должны выступить —
Терпѣнью есть конецъ.

Д а м а.

По моему это отъ антихриста.
Не правда ли, святой отецъ?

Д у х о в н и к ъ.

О да! начнемъ съ декрета объ отмѣнѣ титуловъ.
Небесная іерархія не допускаетъ измѣненій чина.
Я всѣ дѣленія постигъ:
Есть ангелы, архангелы, есть херувимы, серафимы,
И есть ар-хи-стра-тигъ!

А л ь д а.

По вашему они не христіане,
Только оттого, что борятся съ нами?

Д а м а.

Если они не уважаютъ моихъ владѣній, моей собственности, моего дома —
Какъ они могутъ уважать Христа или Мадонну?

Г р а ф ъ.

Отобрать мои виноградники, поселить въ моемъ домѣ какихъ-то ребятъ не-

воспитанныхъ, и совсѣмъ не образо-
ванныхъ.
У этихъ людей нѣтъ ничего святого!

Поэтъ.

Христосъ — это красота. А вы замѣтили
Какіе у нихъ грубые жесты, прозаическія
рѣчи, убожество линій —
Полное непониманіе эстетики.
Мнѣ просто скучно съ ними!
Я могу понять красоту санкюлотовъ: Кар-
маньола, Бастилія, Робеспьеры, Ма-
раты.
Но наши рабочіе могутъ только ругаться.
Конечно они не христіане: Святая Дѣва это
нѣчто изящное, съ картины Мурильо,
Какъ она могла бы жить среди этихъ груз-
чиковъ или носильщиковъ!

Альда.

Святая Дѣва -- Мать назаретскаго плотника.
Она жила на землѣ.
Простая женщина, работница Іудеи,
Ея мозоли нѣжнѣе рѣдкихъ колецъ,
И потъ на лбу — мира святѣе.

Духовникъ.

Вамъ надо упражняться въ нашей вѣрѣ;
Не то вы впадете въ ересь.
Они нарушаютъ законы Божьи: на короля
злословятъ,
Идутъ противъ титуловъ, противъ собствен-
ности, противъ торговли.

Если бы Христосъ сейчасъ сошелъ на землю —
Онъ былъ бы нашъ . . .

Альда.

Христосъ для всѣхъ, Христосъ — ничей.

Духовникъ.

Онъ поднялъ бы руку въ ярости священной . . .

Альда.

Онъ поднялъ только разъ ее — на торгашей
Развѣ его распяли рабы, а не фарисеи?

Духовникъ.

Видно рѣчи Гонгоры на васъ дѣйствуютъ.
Есть левъ и ягненокъ, грандъ и чистильщикъ сапогъ.
Такъ было, такъ будетъ. Такъ устроилъ самъ Богъ.
Они не христіане.
Дочь моя, неужели вы съ ними? берегитесь!

Альда.

Нѣтъ, я не съ ними, но я и не съ вами . . .

Графъ.

Я всегда говорилъ, что женщины не должны заниматься политикой.

Альда.

Это не политика, можетъ быть, это женская слабость:
Для васъ одна дорога, для меня много дорогъ и одно людское бездорожіе.

Я знаю, что кромѣ моей есть другая, чужая
правда,
И враги какъ двойники другъ съ другомъ
схожи.

Духовникъ.

Есть правые, и есть неправые.
У Святой Церкви ключъ отъ истины.
А они прислужники дьявола —
Во главѣ съ этимъ Гонгорой... «неистовый!»...

Графъ.

Чтожъ я по вашему похожъ на Гонгору, на
этого предателя, Іуду?
А вы знаете, что онъ получилъ отъ англичанъ милліонъ «за услугу?»..

Дама.

Защитникъ бѣдныхъ — онъ тратитъ народныя деньги на шампанское,
Поселилъ во дворцѣ какую-то распутную
цыганку...

Альда.

Не смѣйте лгать —
Будьте достойны такого врага!

Поэтъ.

Не понимаю вашего увлеченія, въ немъ ничего изящнаго,
Манеры приказчика.

Графъ.

Чтобъ сказалъ бы вашъ братъ, услыхавъ,

что въ его домѣ защищаютъ, такъ рѣчисто
Этого, ну скажемъ мягко . . . авантюриста?

Альда.

Я знаю двухъ людей. Оба любовью горятъ.
И на смерть летятъ изступленные:
Это мой братъ
И Хорхэ Гонгора.

Графъ.

Вы прогрессируете, и быстро.
Еще денекъ-другой и вы станете отмѣнной анархисткой.

Альда.

Легко и просто я отдала бы
Свой титулъ, домъ и богатство —
Быть бѣдной такая радость!
Только дѣти и нищіе могутъ смѣяться.
Можно бороться за вѣру, за родину, за свою правду,
Но не за этотъ залъ съ золотыми канделябрами.
Они хотятъ жить здѣсь, какъ жили мы, —
Съ улыбкой отпущенья имъ отдамъ ключи еще одной тюрьмы.
Нѣтъ, я ихъ ненавижу за другое,
За то, что они не знаютъ покоя.
За то, что люблю я небо предвечернее,
Когда, тихо-тихо, только ребята кричатъ вдали,
И когда отходитъ трепетное сердце

От безумной суетной земли.
Они не умѣютъ становиться на колѣни,
Тихо улыбаться, говорить вполголоса,
Умирать, какъ умираетъ этотъ садъ осеннiй,
Обливаясь пурпуромъ и золотомъ.
Я ихъ ненавижу за то, что на могилахъ играютъ безпечныя дѣти,
За то, что вѣтеръ раздуваетъ яркiй факелъ и гаситъ свѣчу,
За то, что я сама хочу,
Чтобъ задулъ меня этотъ вѣтеръ!..

Графъ.

О какомъ вѣтрѣ вы говорите?.. мнѣ стало тревожно...
Отчего Дiего не приходитъ?.. ужъ поздно..

1-ая барышня *(подходитъ къ окну)*.

Темно... и вѣтеръ... какъ воетъ протяжно...
Вашъ братъ вѣрно ждетъ пока буря уляжется...

Альда *(глядитъ въ окно)*.

Отчего его нѣтъ?.. звѣзда упала...
Будто вѣтеръ сорвалъ ее...
Хоть бы скорѣй прошелъ этотъ вечеръ!..
Тереза зажги свѣчи.

(Входитъ Тереза съ подсвѣчникомъ).

Тереза.

Охъ, быть бѣдѣ, быть судьбѣ, быть всему!
Не къ добру, а что и какъ — не пойму...

Приходили, говорили... страшно мнѣ!
И короля нѣтъ, и Бога нѣтъ, и никого нѣтъ...
А стрѣляютъ, стрѣляютъ, развѣ знаютъ въ кого?.. *(Крестится)*
Господи, упокой душу раба Твоего!.. *(Уходитъ)*

Г р а ф ъ.

Здѣсь всѣ свои? мы можемъ говорить свободно.
Только Діего нѣтъ. Мы должны обсудить кой-какія подробности.
Черезъ нѣсколько дней войска Руиса будутъ у города.
Мы должны выступить въ день Всѣхъ Мертвыхъ.
Я все намѣтилъ и людей надежныхъ подобралъ.
Діего съ сотней захватитъ арсеналъ.
Я окружу дворецъ и арестую комитетъ...

А л ь д а.

Ужъ ночь, а Діего нѣтъ...

Г р а ф ъ.

Неужели они посмѣютъ?.. *(Вѣтеръ раскрываетъ окно)*

А л ь д а.

Что это?

Г р а ф ъ.

Вѣтеръ окно раскрылъ... успокойтесь!

А л ь д а.

Пречистая Дѣва, огради! помоги!

Дама.

Вы слышите? шаги!

Графъ.

Это Дiего! Дiего!

(Входитъ Луисъ)

Луисъ!

Луисъ.

Альда, мужайтесь!
Вы ему обѣщали — помните . . .

Альда.

Скорѣй! я знаю!
Все кончено?

Луисъ.

Я ждалъ . . .
Трибуналъ . . .
Только теперь сказать посмѣли.

Альда.

Убитъ?

Луисъ.

Разстрѣлянъ.

Альда.

Братикъ!

Луисъ.

Сядьте!

Альда.

Нѣтъ, нѣтъ, я не плачу . . .
Развѣ можно плакать теперь . . .
Такъ значитъ это — смерть . . .

Луисъ.

Солдатъ сказалъ мнѣ.
На зарѣ. Свѣтало.
Онъ былъ твердъ. Съ открытыми глазами.
Онъ былъ — Діего Романьесъ.
Онъ солдатамъ сказалъ:
Не надо! завяжите себѣ глаза!
Вамъ страшно. Я буду глядѣть даже мертвый.
Вѣдь меня казнятъ за то, что я не умѣлъ отвертываться.
Я хочу эти горы видѣть.
За ними Мадридъ. Король въ Мадридѣ.
Онъ говорилъ. Солдаты плакали.

Альда.

Нѣтъ, я не буду плакать...
Такъ умереть — вѣдь это побѣда...
Діего!.. Діего!..

Луисъ.

Да, не плакать.
Молчать. Только клятва
Сейчасъ, здѣсь
Ни слова. Только месть.

Графъ.

Мы назначили — день Всѣхъ Мертвыхъ.
Дорога на Севилью уже взорвана.
Вы вмѣсто Діего — арсеналъ.

Луисъ.

Онъ былъ бы спокоенъ, если-бъ зналъ.

Идутъ въ нашъ домъ. Ни спора, ни вздоха,
ни стона.
Притаиться, крѣпиться и ждать врага.
Блаженъ погибшій на порогѣ непоруганнаго
дома,
За честь еще не умершаго очага!

Духовникъ.

Благословляю васъ на ратный подвигъ.
Съ вами сила Господня!
Близокъ часъ торжества.
Будьте только безстрашны.
Возстановите всѣ права
Святѣйшей Церкви, короля и ваши.

Дама.

Накажите этихъ извергов! сразу
Желѣзомъ выжгите язву!
Надо только безъ всякой нѣжности —
На каждый кипарисъ по одному мятежнику,
И дѣтей ихнихъ . . . чтобъ знали! . .
Вѣдь это облегчитъ ваше горе, Альда?

Луисъ.

Какъ ни страшна потеря,
Я вѣрю
Вы намъ поможете въ заговорѣ.

Альда.

Нѣтъ, не просите меня . . . не надо!
«Возстановить права», «наказать мятежниковъ» . . .
Я отъ васъ ушла теперь.
Я не хочу, чтобъ было какъ прежде.

Прежде — это смерть.
Я для васъ безразсудная женщина,
Хуже того — измѣнница.
Я все та же, только сегодня не вчера,
А что будетъ завтра? . .

1-ая барышня *(второй).*
И это его сестра! . .

2-ой повстанецъ.
И послѣ смерти брата! . .

Альда.
Я попрошу васъ пройти въ гостиную. Луисъ, останьтесь.
Мнѣ надо поговорить съ вами.
(Всѣ, кромѣ Альды и Луиса уходятъ)

Луисъ.
Вы стали федералисткой! . . другой, чужой,
Вы даже смотрите теперь иначе . . .

Альда.
Нѣтъ, просто слабость, вы сильны блаженной слѣпотой,
А я . . . я слишкомъ зрячая.
Скажите, Луисъ, кто судилъ Діего?

Луисъ.
Трибуналъ.

Альда.
А Гонгора?

Луисъ.
Онъ подписалъ.

Альда.

Вы знаете навѣрно? это очень важно, вы потомъ поймете...

Луисъ.

Я самъ видалъ его подпись.
Этотъ неистовый, бѣшенная собака!..

Альда.

Зачѣмъ? вѣдь, оскорбляя его, вы сами падаете.

Луисъ.

Но это убійца вашего брата.

Альда.

Онъ вѣрилъ — такъ надо.
Мои слова вамъ покажутся бредомъ, —
Судьба рѣшила иначе, —
Но онъ и Діего —
Братья.
Онъ прекрасенъ!.. теперь поздно... не наша воля...
На брата идемъ, на себя, и больно...
Луисъ, я должна увидѣть его!
Устройте это! вы поняли?

Луисъ.

Но кого?

Альда.

Конечно Гонгору.

Луисъ.

Опомнитесь!
Вѣдь есть же честь, есть гордость, наконецъ!

Альда.

Я должна видѣть Гонгору.
Достаньте пропускъ во дворецъ!

Луисъ.

Я думалъ, что вы испанка, я ошибся.
Вамъ чести дороже капризъ, прихоть.
Бѣжать на свиданье къ этому палачу,
Къ убійцѣ брата!..

Альда.

Вы можете оскорблять меня. Я такъ хочу.
Поймите — нѣтъ пути обратно...

Луисъ.

На свиданье съ нимъ! прославлять, упрашивать,
Быть можетъ цѣловать эту руку, только что подписавшую...
Если у васъ нѣтъ чести, достоинства, вѣрности,
Быть можетъ, хоть брезгливость васъ удержитъ.

Альда.

Не сама иду — несетъ меня смерчъ,
И на сердце кладетъ леденѣющій перстъ
Смерть.
Луисъ, идите во дворецъ!
Завтра я должна быть у Гонгоры, не то конецъ!

Луисъ.

Зачѣмъ? слушать какъ онъ поноситъ Діего?
Поздравить его съ сегодняшней побѣдой?

Альда.

Не надо этихъ словъ. Теперь можно только
ждать и молиться.
А то, что будетъ — не можетъ не быть.

Луисъ.

Зачѣмъ? передъ убійцей преклониться?

Альда.

Нѣтъ, я иду сама убить.

Луисъ.

Простите! простите, Альда!..

Альда.

Не радуйтесь!
Не печальтесь!
Такъ надо.

Луисъ.

Я не стану васъ отговаривать.
Но надо быть трезвой, не только смѣлой.
Лучше принять участіе въ заговорѣ,
Это полезнѣй для нашего дѣла.

Альда.

Луисъ, — я отъ васъ не скрываю, мое дѣло
не ваше.
Мнѣ очень, очень тяжко!..
Вы и они — это война.
Только я одна, совсѣмъ одна.
Вы — два лагеря, я одна въ ночи, и вѣтеръ
мой плащъ вздуваетъ.
Вы — два берега, я не мостъ, а рѣка, что ихъ
дѣлитъ, и спускъ крутой и плоскій
лугъ ласкаетъ.

Я глядѣла въ глаза ему и вамъ — тотъ же
огонь,
Также спорятъ зрачки съ ночами,
И если поднять на солнце его или вашу ладонь —
Тотъ же розовый вспыхнетъ пламень.
Что будетъ? онъ сейчасъ еще ходитъ, кровь густѣетъ въ вискахъ, гроза въ глазахъ,
Онъ упадетъ, недвижный, сѣрый прахъ...
Все равно! вѣдь нельзя беречь...

Луисъ.

Мнѣ страшно за васъ — слишкомъ тяжелъ крестъ.

Альда.

Легко умереть, но надо убить. «Не миръ, но мечъ».
Не только муку взять — и грѣхъ.
Идите Луисъ! еще эту ночь пережить остается...
Я жду васъ завтра съ пропускомъ.

Луисъ.

Я зналъ на землѣ ваше имя...
Только имя и ликъ.
Я васъ любилъ. Вы мимо проходили.
Прошли.
Я не понялъ, но принялъ.
Я сдѣлаю все о чемъ вы просили.
Я думалъ дать вамъ радость, а теперь
Я дамъ вамъ смерть.

(Уходитъ)

Альда.

Какая смута!
Чужая стезя.
На кого подымаю я руку?
А опустить — нельзя.
Была, молилась, росла
Среди тихихъ подругъ . . .
Теперь я только стрѣла,
И кто натянулъ этотъ лукъ?
Хуже иль лучше —
Кому судить?
О, неминучая,
Скорѣй иди!

(Падаетъ на колѣни передъ статуей Богоматери. Входитъ Тереза, причитая)

Тереза.

Семь ночей кричали неуемные,
Заклевали моего лебеденыша,
Заклевали, закопали подъ ракитами.
Холодно тебѣ, родимое дитятко.
Выйду, завою, землю разрою, лягу около,
Согрѣю тебя моей грудью теплой.
Только изъ сердца не закаплетъ кровь горячая,
Очи мутные больше не заплачутъ,
Ногой не топнешь, не тряхнешь головой . . .

Альда.

Не вой! ради Бога, не вой!
Одного уже нѣтъ, другого не будетъ.
Любимъ, судимъ и губимъ.

Одинъ въ землѣ, другой еще ходитъ, говоритъ зачѣмъ-то, споритъ.

Тереза.

Горе ты, горе!
Всѣмъ одинъ вѣнецъ! всѣмъ одинъ конецъ!
Съ четырехъ сторонъ горѣть, да на одномъ огнѣ!

Альда.

Тереза, а я могла бы убить Діего?
Вотъ такъ — подойти и выстрѣлить...

Тереза.

А про это никто не вѣдаетъ.
Ужъ кому на роду написано...
Только горя на землю много пущено,
Горючее оно, неминучее...

Альда.

Всю жизнь томиться, ждать этой встрѣчи.
Встрѣтить.
Свершилось. И неугодно.
Другая судьба, другая дорога.
Суждено ненавидѣть любя.
Убить свою радость, себя, себя.

Тереза.

Всѣмъ одинъ конецъ, одна дорога.
Діего мой!.. Господи, душу его упокой!

Альда.

Господи, я не дрогну.
Да! *(подымаетъ руку)* вотъ этой рукой!..

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Дворецъ, кабинетъ Гонгоры. Педро, Пабло Родриго.

Педро.

Да, хорошо эти господа жили.

Родриго.

А по моему скучно — столько золота и пыли,

Конечно, «аристократической» пыли.

Педро.

Чтожъ можно и развеселиться, каждому свой чередъ.

(Отворяетъ шкапъ)

Главное — это учетъ.

Посмотримъ что у нихъ въ архивѣ...

(Вынимаетъ бутылку)

Куантро, и хорошая марка.

Пабло, вы любите Куантро?

Пабло.

Кто это? бланкистъ? или сторонникъ Маркса?

Бутылка? Алкоголь? Онъ только сознаніе трудящихся одурманиваетъ.
Вы вѣдь знаете, что я сторонникъ абсолютнаго воздержанія.

Педро.

Пабло, а вы были когда-нибудь въ театрѣ?

Пабло.

Одинъ разъ, въ Бургосѣ. Мнѣ пришлось тогда отъ жандармовъ прятаться.
Тамъ какія-то безъидейныя женщины прыгали по сценѣ.
Я объясняю подобныя явленія отсутствіемъ просвѣщенья.

Педро.

Ну, и чудакъ! Вы похожи на монаха или на ребенка.
А въ жизни столько прекраснаго... Посмотрите-ка.

(Заглядываетъ въ боковую дверь)

Въ пріемной ждетъ Гонгору
Очаровательная просительница.
Пабло, а вы знали женщинъ? только скажите правду...

Пабло.

Конечно! а гражданка Агнесса? — она участвовала во всѣхъ заговорахъ.

Педро.

Но гражданка Агнесса современница Наполеоновскихъ войнъ, и похожа на вѣдьму Гойа.

Пабло.

Чтожъ, за то она опытна въ конспираціи, и многихъ молоденькихъ стоитъ.

Родриго.

Вы не знаете нашего Пабло! Мы какъ-то съ нимъ мимо садоводства проходили,
Я показалъ ему на чудесныя лиліи —
Такъ онъ нарочно отвернулся и пошелъ скорѣй въ смущеніи.

Пабло.

Я былъ погруженъ въ раздумье.
Я всегда отвертываюсь, проходя мимо цвѣтовъ или красивыхъ женщинъ.
Они мѣшаютъ мнѣ думать о фаланстерѣ и трудовой коммунѣ.

(Педро и Родриго смѣются. Педро закуриваетъ сигару)

Педро.

Мы не аскеты, есть услады и для насъ,
Я знаю толкъ въ винѣ и въ барышняхъ.
Мой идеалъ, чтобъ каждый, даже папуасъ,
Курилъ бы вечеромъ такую же сиґару,
Конечно послѣ честно проведеннаго и трудового дня.

(Заглядываетъ въ дверь)

Чертъ побери! но отчего я не Гонгора,
И эта красотка ждетъ не меня.

Родриго.

А вы ее примите вмѣсто Гонгоры. Ну кто тамъ разберетъ? . .

По крайней мѣрѣ — забавный анекдотъ.
Для меня переворотъ — нѣчто вродѣ цирка.
Все становится наоборотъ,
Шиворотъ навыворотъ.
Гидальго жирненькій въ цилиндрѣ картошку чиститъ и осла скребетъ,
А я вотъ въ этомъ креслѣ съ графскими гербами,
Пишу приказъ... «объ уничтоженіи Имперской власти въ Германіи».
Перекрасить вывѣски, переставить календарь, перепутать имена,
Заставить каталонца говорить по-якутски,
Теперь октябрь, не все-ль равно — «провозглашается весна», —
Вотъ это революція!

Педро.

Ты фантазеръ! Мое желанье сейчасъ болѣе скромно —
На полъ часа превратиться въ Гонгору.
Глаза какіе! точно искры вспыхиваютъ.
(Родриго тоже заглядываетъ въ дверь)
Ну, какъ? прозрѣли?

Родриго.

Она похожа на того роялиста.
Что съ нимъ?

Педро.

Разстрѣлянъ.

Родриго.

Въ ней что-то необычное... невнятное...

Я бы боялся съ ней остаться . . .

(Черезъ другую дверь входитъ Гонгора)

Гонгора.

Вы заняты?

Родриго.

Мы разрабатываемъ планъ возстанія въ Германіи.

Гонгора.

Наши войска разбиты у Карэбы.
На базарахъ четвертый день нѣтъ хлѣба.
Народъ ропщетъ. Нельзя терять ни одной минуты.
Они готовятся изподтишка. Они хитрѣе насъ.
Это двѣнадцатый часъ,
Не мой, не вашъ — Революціи.

Пабло.

Гонгора, я разработалъ до мельчайшихъ деталей
Планъ общественнаго кормленья грудныхъ младенцевъ въ народномъ скверѣ.
Надо чтобы граждане со дня рожденья пріучались
Къ новой соціальной эрѣ.

Гонгора.

Войска Руиса въ трехъ переходахъ отъ Картагена,
А вы лепечете о младенцахъ.
Я былъ въ комитетѣ, тамъ со вчерашняго вечера грызутся

Въ десятый разъ голосуютъ резолюцію
О нашемъ отношеніи къ послѣднему письму Бакунина,
И о томъ, допустимы ли памятники въ Коммунѣ...

Пабло.

Вопросъ о памятникахъ мною обслѣдованъ, надо всѣ рѣшенія пересмотрѣть.

Гонгора.

Теперь надо одно — умѣть умереть.

Родриго.

Вотъ я хочу умереть. Дайте мнѣ десятокъ рѣзвыхъ ребятъ
И я перерѣжу сотню королевскихъ солдатъ.
Вы здѣсь съ Пабло сидите,
А мнѣ надоѣло это... какъ его?.. «мирное строительство».

Гонгора.

Рѣзвитесь, ребята, на картонные мечи надѣйтесь.
Для васъ революція — это игра въ индѣйцевъ.
Войска Руиса — армія, кого обманывать?
И противъ нихъ — десятокъ партизановъ!

Родриго.

Все равно ничего не выйдетъ.
А такъ, по крайней мѣрѣ, можно хорошо погибнуть.

Гонгора.

Вы думаете, что мнѣ сладко сидѣть въ этомъ дворцѣ?
Что я не мечтаю о такомъ же концѣ?
Но кто будетъ писать законы,
Устанавливать цѣны, посылать солдатамъ патроны?
А хлѣбъ, этотъ проклятый хлѣбъ — кто его достанетъ?
Да! это труднѣе чѣмъ поднять возстаніе!
Родриго хочетъ героическаго, громкаго,
Пабло провѣряетъ теоріи Санъ-Симона,
Другіе просто ищутъ выгоды,
И только прикидываются,
Но всѣ измѣняютъ, и всѣ предаютъ...
А тѣ идутъ — шагъ за шагомъ идутъ.
Пабло, Родриго! идите на митингъ.
Сигарщицы требуютъ хлѣба, не расходятся, ждутъ.
Уговорите ихъ, скажите
Что хлѣбъ везутъ!..

Родриго.

Кто везетъ? ужъ не Руисъ ли?.. а, впрочемъ, какая разница!
Эхъ, хорошо-бъ сейчасъ въ Мексику, все-таки разнообразіе!..
Иду!

Пабло.

И я иду! Я имъ скажу — довольно мечтать о мирномъ концѣ,

Довольно утопій въ духѣ Фурье...

(Уходятъ)

Педро.

Остался одинъ только выходъ изъ положенія.

Гонгора.

Какой?

Педро.

Компромиссъ, соглашеніе.
Начать переговоры съ либералами, можетъ быть и съ Руисомъ,
Умѣренное правительство,
Кой-какія реформы. Пока примириться.
Перейти въ оппозицію.
Тогда мы сбережемъ хоть зерно для будущаго...

Гонгора.

Кто хочетъ сберечь — только губитъ.
Если мы погибнемъ — черезъ десять лѣтъ, черезъ сто
Въ Мадридѣ, въ Парижѣ, въ Россіи, въ Германіи,
Изступленный работникъ въ землѣ найдетъ
Наше окровавленное знамя.
Надо чтобы пролилась наша кровь,
Огонь зальютъ, метнется искра въ ночь,
Но если мы уступимъ, вино смѣшаемъ съ водой,
Что станетъ съ нашимъ знаменемъ?
За розовую тряпку кто пойдетъ на бой?

Могила можетъ къ мести звать, но не кресло въ парламентѣ.
Нѣтъ, есть лишь одинъ исходъ:
Живыми не уйдемъ съ этого мѣста.
Пусть Коммуна еще разъ умретъ,
Чтобы снова и снова воскреснуть,
А намъ, Педро, не уйти отъ смерти — такъ на роду написано —
Но все же пуля въ сердце лучше висѣлицы.

Педро.

Хорхэ, вы слишкомъ спѣшите,
Хотите сразу передѣлать міръ.
А наше ремесло — политика,
Мы имѣемъ дѣло съ людьми.
Вы отъ нихъ требуете нечеловѣческаго.
Ночь кругомъ, темная,
Мы одни на дорогѣ, безумные развѣдчики,
Насъ не догонятъ отставшіе легіоны.

Гонгора.

Да, мы предтечи
Обреченные...
Но медлить нельзя.
Впередъ! Впередъ!
Пусть погибну я,
Смѣна придетъ.
Они придутъ въ неслыханномъ величіи,
По пути окровавленному, за нами слѣдомъ.
Теперь насъ сотни, — будутъ тысячи тысячъ,
Теперь погибель — будетъ побѣда.

Педро.

Но страшно умирать въ ночи...

Гонгора.

Я вижу первые лучи.
Они умираютъ, видя сіяніе рдяное
Былого міра, отсверкавшаго огня.
А мы, мы встали слишкомъ рано,
Чтобъ встрѣтить свѣтъ иного дня.

Педро.

Хорхэ, простите, что я васъ объ этомъ спрашиваю,
Скажите, вамъ никогда не бываетъ страшно?
Вѣдь ясно все, и смерть близка...

Гонгора.

Страхъ? нѣтъ, не страхъ, порой находитъ — смертная тоска.
Конченъ путь. Я кого-то не встрѣтилъ.
Слишкомъ легко я ступалъ, не касаясь земли.
Безъ слѣда пролетѣлъ, будто вѣтеръ,
Не увязъ въ болотѣ, не погрязъ въ пыли.
Я хочу вцѣпиться корнями въ эту рыхлую землю.
И хоть въ часъ послѣдній
На дорогѣ, слишкомъ мгновенной,
Помедлить, помедлить...
Такое томленіе!
Я тоскую о землѣ...

Педро *(переспрашиваетъ)*.

О комъ?

Гонгора.

О женщинѣ.

Пусть это слабость — я хочу познать любовь,
Къ устамъ припасть, и даже вѣтеръ позабыть любя,
Почуять рядомъ теплую трепещущую плоть,
И сѣмя бросить въ ночь, продлить, продлить себя.
Недавно ночью я встрѣтилъ женщину, и это такъ странно, такъ непонятно, —
Она не наша, аристократка, —
Но почему-то сердце забилось, я замеръ
Услыхавъ ея голосъ, она говорила Богъ вѣсть о чемъ,
Но будто я былъ всю жизнь въ изгнанiи,
И вернулся въ отчiй домъ.
Мнѣ показалось, что изъ ея ладони маленькой и слабой
Дано мнѣ испить великую радость.
Но лучше не думать объ этомъ . . . она меня ненавидитъ, сама мнѣ объ этомъ сказала . . .
Я такъ хочу ее! . . Что это? . .

Педро.

Любовь . . . а можетъ быть только усталость.

Гонгора.

Усталость? Нѣтъ! Работать надо.
Педро, я хочу поручить вамъ важное дѣло:
Вотъ доносъ, прочтите.

(Даетъ письмо Педро)

На день «Всѣхъ Мертвыхъ» — роялистскій заговоръ . . .
Надо пресѣчь . . . въ нашихъ рукахъ всѣ нити . . .
Они сносятся съ Руисомъ . . .
Медлить нельзя — врагъ слишкомъ близко.
Я даю вамъ всѣ полномочія. Внѣ закона.
Для нихъ еще хватитъ патроновъ.
Довольно колебаній; мы должны быть безпощадны.
Палачи? чтоже! такъ надо . . .

Педро.

Да, это ремесло любого правителя.
Я сдѣлаю все, Гонгора. А вы немного отдохните,
Вѣдь вы три ночи не спали.

(Уходитъ)

Гонгора.

Отдохнуть? . . нѣтъ . . . ее зовутъ Альдой . . .
Отчего я думаю о ней все время,
Будто въ этой маленькой женщинѣ
Оправданіе, примиреніе? . .

(Педро показывается въ дверяхъ)

Педро.

Я забылъ — васъ ждетъ просительница.

Гонгора.

Зачѣмъ? . . да все равно . . . пустите . . .

(Педро скрывается)

О если-бъ увидѣть еще разъ эти волосы, вѣтромъ вздутые,

Въ глазахъ бушующіе мятежи,
Эту смуглую руку,
Дарящую жизнь...

(Входитъ Альда. Гонгора, потрясенный, вскакиваетъ съ мѣста, потомъ откидывается назадъ)

Альда.

Вы боитесь меня?.. Гонгора боится?.. Какъ странно. Гонгора можетъ быть слабымъ...

Гонгора.

Нѣтъ, это не страхъ, только радость.
Я звалъ васъ, какъ присужденный къ смерти.
Я ждалъ васъ, ждалъ, но не вѣрилъ...

Альда.

Вы не знаете зачѣмъ я пришла...

Гонгора.

Зачѣмъ? Скажи?

Альда.

Я принесла вамъ..

Гонгора.

Жизнь! Я знаю, только жизнь!

Альда.

Господи! Какая мука!
Подыми, подыми, подыми эту руку!

(Гонгора ловитъ ея руку)

Гонгора.

Дай мнѣ эту руку. Я отъ жажды умираю.
Губы черны, и въ сердцѣ душная ночь.

(Цѣлуетъ руку)

Твоя ладонь — ручей неизсякающій,
Пью изъ нея любовь.
Я дна не зналъ — на волнѣ только гнѣвная
пѣна,
Только вѣтеръ, скользящій по верхушкамъ
оливъ, я не вѣдалъ глуби.
Испытавшій страсть и великую ненависть,
Я не зналъ, что можно такъ просто любить.
(Разглядываетъ ея ладонь)
Какъ странно: астрологъ вздыхаль о звѣз-
дахъ,
О розовомъ островѣ бредилъ Колумбъ,
Изъ моей души истекали черныя грозы.
Подъ землей закипалъ немыслимый бунтъ,
И все, все, что таилось въ землѣ и въ небѣ
разверстомъ —
Моленья Халдея и звѣздныя письмена —
На этой тонкой ладони начертано . . .

Альда *(вырывая руку)*.
Нѣтъ! не читай! и не пытай судьбы — она
темна.
Смерть моя и твоя . . . не держи.
Не спорь съ судьбой! не зови!

Гонгора.
Смерть? но она убѣжитъ
Отъ такой любви.

Альда.
Что ты дѣлаешь? Ты снова все перепу-
талъ . . .
Я не помню зачѣмъ я пришла,
И зачѣмъ эту слабую руку

Я тебѣ подала...

Гонгора *(на колѣняхъ, припавъ къ рукѣ Альды).*

Твои пальцы пахнутъ малиной...
Ты какъ земля, дремная, родимая...
Вѣдь я когда-то былъ ребенкомъ,
Землю любилъ, траву солнцемъ опаленную...
Моя земля!... припалъ къ ней и дремлю...
Мятой дышу, а щеки въ росѣ...
Видишь, я снова вернулся на землю,
Сталъ такимъ же какъ всѣ.

Альда.

Ты снова меня закружилъ, унесъ, и какая дана тебѣ сила?
Встрѣтивъ тебя, я про все забыла,
Потеряла свою жизнь, свою вѣру, даже имя, — странно, что меня зовутъ еще Альдой.
Я только песчинка — неси меня дальше!
Какая радость все потерять любя,
И не считать потерь.
Благодарю, благодарю тебя,
Зато, что ты — моя смерть.

Гонгора.

Только теперь для жизни открылось сердце —
Почему же ты все время говоришь о смерти?

Альда.

Идемъ по дорогѣ.
Дана намъ встрѣча,

Вечеръ одинъ и часъ разставанья.
Кто-то насъ сводитъ, разводитъ.
Кто-то играетъ нами.
Можетъ быть вѣтеръ . . .

Гонгора.

Любовь сильнѣй — она удержитъ . . .

Альда.

Нѣтъ, нельзя остановиться.
Слышишь, какъ бьется сердце —
Вспугнутая птица.
Твой голосъ тревожный, ты не можешь убаюкивать, ты долженъ пророчествовать,
Когда ты говоришь, мнѣ кажется, что я одна въ полѣ, темной ночью.
Даже имя твое такое громкое —
«Хорхэ Гонгора».
Съ тобой нельзя быть, жить,
Ты можешь только унести, замести, убить.

Гонгора.

Ты хочешь меня убить? или сама умереть?

Альда.

Нѣтъ, теперь на рукѣ моей цѣпь.
Я буду до конца съ тобой, не живой, не собой — рабой.
Какъ странно — мы вмѣстѣ . . .
Мнѣ вспомнилась старая пѣсня . . .

(Поетъ)

Позади, впереди дорога.
Погоди, погоди, немного.

Я бѣдна и темна, и убога
Но тебѣ я дана отъ Бога.
Мы съ тобой вдвоемъ, любимый.
А потомъ мы пройдемъ, и мимо . . .
Ты со мною побудь, дай руку.
А потомъ тотъ же путь и разлука.
Ужъ меня никогда не встрѣтить.
Унесетъ, и куда, этотъ вѣтеръ.
Позади, впереди дорога.
Погоди, погоди немного.

Гонгора.

Какой покой! Время стоитъ. Я стою.
Родная!

Альда.

Люблю! Люблю!
Не помню, не знаю!
(Закрываетъ глаза, блаженно улыбается)

Гонгора.

Какъ ты странно улыбаешься . . . Вѣдь ты прежде никогда не улыбалась? . .
Я эту улыбку видѣлъ когда-то . . .
Но гдѣ? . . да, въ ту ночь . . . послѣ трибунала . . .
У тебя улыбка твоего брата! . . .
(Во время послѣднихъ словъ Альда порывисто встаетъ, вынимаетъ спрятанный револьверъ)

Гонгора.

Что съ тобой?
Обожди! стой!

(Альда стрѣляетъ. Промахнулась. Убѣгаетъ. Педро и два часовыхъ)

Педро.

Выстрѣлъ!
Заговоръ! Покушенье! роялисты!
Гонгора, что съ вами? невредимы.
Мимо!

(Часовымъ)

Держите ее! Держите роялистку!

Гонгора.

Оставьте ее!

Педро.

Но вѣдь это-жъ она выстрѣлила?

Гонгора.

Она вѣрила, что такъ надо.

Педро.

Вы больны?.. Не вы ли мнѣ приказали
карать ихъ, не зная пощады?

(Часовымъ)

Ведите ее.

(Часовые уводятъ Альду)

Она въ васъ стрѣляла?

Гонгора.

Нѣтъ, не она, кто-то третій... Она сама не
знала...

Педро.

Вы бредите, Хорхэ? Кто третій?

Гонгора.

Не знаю... Можетъ быть вѣтеръ...
И какъ ни сильна любовь,
Ея сильнѣй судьба слѣпая.
Педро, надъ нами вѣтеръ и ночь.
Что мы можемъ? и что мы знаемъ?..

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Залъ суда. Въ глубинѣ большія съ полу окна на площадь. Вечеръ. (За сценой ревъ толпы)

Пабло *(предсѣдатель трибунала).*

Что это за шумъ подъ окнами?
Намъ мѣшаютъ работать.

1-ый часовой.

Вѣрно торговки изъ-за мѣста дерутся,
Или поймали вора.
Народу на площади тьма тьмущая,
Вѣдь нынче праздникъ «Всѣхъ Мертвыхъ».

2-ой часовой.

Нѣтъ, это граждане ждутъ
Чѣмъ кончится судъ.

Пабло.

О! въ такомъ случаѣ окна настежь раскройте!
Они намъ напомнятъ о нашемъ долгѣ передъ павшими героями.

(Окна раскрываютъ. Доносятся голоса: Смерть! Смерть роялистамъ! Къ стѣнкѣ! на висѣлицу!)

Пабло.

Именемъ возставшаго народа, мы судимъ женщину, преступную и безумную,
Гражданку Альду Романьесъ, поднявшую руку наемную
На сердце и на мозгъ Коммуны —
На Хорхэ Гонгора.
Она получила изрядную мзду отъ мадридскихъ бандитовъ за вѣрность.
Возможно, что деньги шли изъ Франціи отъ самого Тьера.
Она думала привлечь на свою сторону народъ,
Возстановить его противъ свободы.
Но вотъ онъ, негодуя, казни ждетъ.
Слушайте, граждане, голосъ народа!

(За сценой крики:
Смертъ убійцѣ!
Смертъ роялисткѣ!)

1-ый судья.

Крови! мы жаждемъ крови!
Мы не просто судьи — мы народная совѣсть!
Месть за убитыхъ гражданъ!
Мы крови, крови роялистовъ жаждемъ!

2-ой судья.

Принципіально я противъ смертной казни, и вообще отрицаю судъ.
У меня даже есть по этому вопросу небольшой трудъ.

Но это прежде, когда король судилъ и правилъ.
А теперь... Исключенiе только подтверждаетъ правило.

Пабло.

Конечно, насъ не интересуетъ судьба Альды Романьесъ.
Будетъ она жить или умретъ — для Коммуны это неважно.
Для насъ — смертная казнь — соцiальное воспитанiе
Отсталыхъ гражданъ.
Итакъ, гражданка Романьесъ, признаете ли вы себя виновной
Въ томъ, что будучи подкуплены испанскими и чужестранными роялистами,
Вы въ ночь на первое ноября покушались на жизнь гражданина Гонгоры,
Произведя одинъ выстрѣлъ?

Альда.

Да, я стрѣляла.

Пабло.

Итакъ, вы признаете себя виновной?
Хорошо, но этого мало.
Фактъ преступленiя, конечно, установленъ.
Но укажите также ваши побужденiя
И отъ кого, и каково вознагражденiе?

Альда.

Зачѣмъ говорить? ваше дѣло судить, мое — умереть,

Слѣпые не могутъ прозрѣть.
Вы спрашиваете почему я стрѣляла въ Гонгору?
Вслушайтесь въ этотъ гулъ неуемный и темный —
Развѣ вы знаете почему реветъ людская чернь,
Почему море ропщетъ, когда растетъ приливъ?
Вотъ передъ нами война и смерть,
Но откуда они пришли?
Я тоже не знаю. Я тоже слѣпая. Мной правилъ кто-то слѣпой.
И какъ я могла тягаться съ судьбой?
Вы спрашиваете кто толкнулъ мою руку, кто стоялъ позади —
Французкіе дипломаты или дѣльцы Мадрида —
Тотъ же, кто васъ привелъ въ этотъ залъ, чтобъ судить,
Кто шепчетъ вамъ на ухо смертный приговоръ,
Кто правитъ войсками Руиса, и этой безумной толпой —
Зовите его какъ хотите: революціей, вѣтромъ, судьбой.

Г о н г о р а *(про себя).*

Увести? .. Спасти? .. Нѣтъ надежды . . .
И все, и все неизбѣжно . . .
Тосковалъ и ждалъ, и встрѣтилъ . . .

Чтобъ опять потерять... навѣки... навѣки...

1-ый судья.

Она намъ грозитъ генераломъ Руисомъ?
По моему процессъ слишкомъ затянулся... надо торопиться...
Я не люблю слушать — только подписывать.

2-ой судья.

Къ тому же она увѣряетъ, что ея поступокъ революціонный —
Какъ будто она стрѣляла въ короля, а не въ Гонгору.
Конечно, естественно ея желаніе всѣ правила морали перепутать,
Но для насъ ея рѣчь — оскорбленіе революціи.
Народъ, ты слышишь, какъ оскорбляютъ твое священное знамя?

(Голоса за сценой:
Смертъ! Смертъ Романъесъ!)

Пабло.

Въ ея словахъ прослѣдить умѣстно
Обычныя уловки роялистовъ:
Грубые интересы
Прикрываются мистикой.
Вмѣсто объясненія причинъ — описаніе моря, какъ будто мы поэты.
Вмѣсто опредѣленія полученной суммы — разговоры о вѣтрѣ.

«Кто-то третій» — отсутствіе третьяго установлено точно наукой,
И мы не можемъ терять времени, слушая эти глупости.
Для насъ обвиненіе доказано, но мы сдѣлаемъ все что полагается.
Если кто-либо изъ гражданъ хочетъ защитить обвиняемую,
Пусть выступитъ.

(Голоса за сценой:

Позоръ! Защищать роялистку!
Никто не хочетъ защищать!
Дайте намъ ее! разстрѣлять!)

Гонгора.

Я хочу выступить защитникомъ гражданки Альды Романьесъ.

Пабло.

Вы, Гонгора? Какое странное желаніе...

1-ый судья *(второму).*

Неистовый! Онъ, вѣрно, хочетъ, защищая обвинить.

2-ой судья.

Иль просто краснорѣчіе выявить и всласть поговорить.

(Голоса за сценой:

Тише, тише!
Гонгора будетъ говорить!)

Гонгора.

Граждане, чтобъ не заглохли нѣжные побѣги Коммуны молодой

Надо выдергивать сорныя травы умѣлой
рукой.
Вы знаете, что ни разу эта рука не дрогнула,
Карая враговъ народа,
Я въ рай послалъ не мало роялистовъ.
Недаромъ аристократы прозвали меня «неи-
стовымъ».

1-ый судья.

Ваши заслуги очевидны.
Мы съ радостью подпишемъ этотъ при-
говоръ.
(Голоса за сценой:
Браво, Гонгора.
Смертъ убійцѣ!)

Гонгора.

Я знаю — вы истинные революціонеры,
Но революція умѣетъ быть и милосердной.
Конечно, эта женщина аристократка.
Я самъ требовалъ смерти ея брата.
Съ врагами мы неумолимы,
Но Альда Романьесъ невинна.
(Голоса за сценой:
Какъ невинна?
Слышите?
Тише! тише!)
Я разскажу вамъ все, что было:
Она ко мнѣ пришла и плакала.
Плача, она у меня просила
Отдать ей трупъ казненнаго брата.

Усталый, послѣ безсонныхъ ночей, какъ будто въ бреду, теряя сознаніе,
Я началъ смѣяться надъ ея слезами.
Я поносилъ ея брата, я довелъ до изступленія
Бѣдную, униженную женщину.
Тогда не въ силахъ терпѣть больше,
Чтобъ прекратить мои насмѣшки и угрозы,
Она схватила со стола револьверъ,
И выстрѣлила — не въ меня, въ воздухъ.

Альда.

Неправда! это ложь!
Гонгора, зачѣмъ ты лжешь?
Судьи, онъ лжетъ! Онъ надъ Діего не смѣялся.
Я пришла чтобъ убить, я мѣтила, но не попала.

Пабло.

Гражданка понимаете ли вы, что вы сказали?
Понимаете ли, что вы въ Верховномъ Трибуналѣ?
Вы разсуждаете по дѣтски,
Какъ можетъ Гонгора ошибаться? онъ! лучшій діалектикъ!

Гонгора.

Вы сами видите — это ошибка. Казнить ее безумно.
Изъ нея можетъ выйти честная гражданка Коммуны.

Мы не королевскіе судьи, у насъ есть со-
вѣсть и право.
Невинныхъ мы оправдываемъ,
Этотъ приговоръ покажетъ міру,
Что въ рунѣ революціи не только мечъ, но
олива мира.
(Голоса за сценой:
Браво, Гонгора! Браво, Неистовый!
Оправдать ее! Выпустить!)

Пабло.

Рѣчь гражданина Гонгоры внесла су-
щественныя измѣненія
Въ пользу подсудимой.
Мы имѣемъ дѣло не съ контръ-революціон-
нымъ покушеніемъ,
Но лишь съ отсутствіемъ душевной дисци-
плины.
Мы можемъ вынести оправдательный при-
говоръ.

1-ый судья *(про себя).*

Какая обида!

Альда.

Вы не смѣете меня оправдать. Ужъ окон-
чена жизни дорога.
Я сдѣлала все, что могла. Теперь я сво-
бодна.
Я прошла, протекла, и остылъ уже бѣглый
слѣдъ.
Мнѣ больше нечего дѣлать здѣсь, на землѣ.

Смертный грѣхъ приняла, его смоетъ лишь
смертная мука.
Только смерти одной я смогу протянуть эту
руку.
Я слишкомъ любила и слишкомъ грѣшила.
У меня хватитъ силъ умереть, но жить я не
въ силахъ.

Пабло.

Это насъ не интересуетъ. По всей вѣроятности вы будете,
Какъ и всѣ граждане, заниматься производительнымъ трудомъ.
Намъ дорого революцiонное правосудiе,
Красный законъ.

(Входитъ Педро)

Педро.

Граждане, они рѣшились выступить!
Смерть роялистамъ!
Подкупленная рота сдала арсеналъ.
Я раненъ въ руку. Я девять негодяевъ разстрѣлялъ.
Я нашелъ на одномъ записку. Сомнѣнiй
нѣтъ.
Ихъ планъ таковъ: арестовать комитетъ,
Разстрѣлять Неистоваго,
Ночью въ городъ впустить солдатъ Руиса.

(Голоса за сценой:

Да здравствуетъ Гонгора! Да здравствуетъ Неистовый!
Смертъ роялистамъ!)

Альда (*потрясенная, про себя*).

Пресвятая Дѣва, какое испытаніе!
Огради! Отведи его руку, какъ мою отвела Ты.

Гонгора (*Альдѣ*).

Гражданка Романьесъ, что съ вами?
Вы такъ опечалены неудачей вашихъ соратниковъ?

Альда.

Я молюсь обо всѣхъ, кто въ эти ночи глухія
Встаетъ, идетъ куда-то,
Покоренъ темной стихіи,
Подымаетъ руку на брата,
Въ чьей рукѣ занесенный мечъ.
Я молюсь о жертвѣ и о палачѣ...

Педро.

Еще стрѣляютъ на Монастырской улицѣ.
Мы окружили ихъ. Мы расправимся съ ними.
Жаль, главари ускользнули,
Но мы поймали трехъ зачинщиковъ.
(*Стражѣ*)
Введите ихъ.
(*Голоса за сценой:*
Смерть роялистамъ!
Вводятъ Духовника, Поэта и Луиса!)

Поэтъ.

Куда меня ведутъ?

Я понимаю концертъ, театръ, но причемъ тутъ судъ?

Духовникъ.

Почему меня арестовали? Вѣдь это ошибка!
Я шелъ по улицѣ и повторялъ «ave Maria»,
къ тому же очень тихо.
Я всѣ декреты соблюдаю строго:
Нѣтъ власти, аще не отъ Бога.
А можетъ быть, я въ этотъ мигъ Коммуну
прославлялъ?
Если угодно, я тотчасъ же окроплю святой
водой Верховный Трибуналъ.
(показывая на Альду)
А эта женщина преступила запреты Церкви.
Я именемъ апостола Петра кляну ея поступокъ богомерзкій.
Покушеніе на правителя безнравственно,
такъ рекъ святой Августинъ, святой
Бенедиктинъ, святой Дамаскинъ,
Судите ее! а меня отпустите! я не священникъ даже... я почти что гражданинъ...

Поэтъ.

Я тоже попалъ случайно. Я писалъ послѣдній сонетъ,
О томъ, какъ купаются въ Ипокренѣ обнаженные скиѳы.
Я не политикъ — я поэтъ, эстетъ, анахоретъ.
Меня интересуютъ только рифмы.
Если вы хотите — я здѣсь же составлю оду,

Въ строго революціонномъ стилѣ,
Прославлю вольную Коммуну и свободу,
Все что хотите! Только чтобъ меня отпустили.
Вотъ она — преступница. Она достойна казни примѣрной.
Въ ней нѣтъ ни красоты, ни чувства мѣры.
Я понимаю Шарлотту Кордэ, величье античнаго жеста . . .
Но это просто уголовная, къ тому-жъ неинтересная.
Отпустите меня! . . Я ужъ придумалъ сложный мадригалъ.

(Декламируетъ)

«О, какъ прекрасенъ ты, Верховный Трибуналъ» . . .

Пабло *(прерываетъ его).*

Гражданинъ, сейчасъ мы слушаемъ дѣло гражданки Альды Романьесъ.
Потомъ вы сможете оправдаться.
Мы выслушаемъ ваши показанія.
Красная Немезида не можетъ ошибаться.

Поэтъ.

Я уважаю именно красную Немезиду,
Она не дастъ меня въ обиду.

Духовникъ *(тихо поэту).*

Если дѣло отложатъ мы можемъ быть спокойны:
Денекъ, другой и Руисъ освободитъ насъ, наградитъ героевъ . . .

Луисъ *(подходитъ къ Альдѣ).*

Теперь примите меня. —
Такъ судьба хотѣла.
Насъ тѣ же люди казнятъ.
Мы гибнемъ за тоже дѣло.
Крѣпитесь — мы обречены.
Быть можетъ черезъ часъ у крѣпостной стѣны . . .
Но ужъ слышенъ орудій грохотъ блаженный.
Все ближе и ближе ракеты вспыхиваютъ.
Ужъ трепещутъ у стѣнъ Картагена
Сигнальные огни батальоновъ Руиса.
Альда, дайте мнѣ вашу руку.

Гонгора *(возмущенный).*

Чтоже ты скажешь въ отвѣтъ?

Альда *(протягивая руку Луису).*

Ему и тебѣ
Я дамъ мою слабую руку . . .

(Входитъ быстро комендантъ трибунала)

Комендантъ.

Гражданинъ предсѣдатель, прикажите утроить охрану.
Подъ вліяніемъ роялистскихъ агитаторовъ толпа настроена нѣсколько странно.
Только что одинъ пацифистъ продажный,
При явномъ сочувствіи несознательныхъ гражданъ,
Проповѣдывалъ необходимость компромисса,

И предлагалъ начать переговоры съ бандитами Руиса.

1-ый судья.

Шпіонъ!

Конечно онъ? . .

Комендантъ.

О да! конечно! устраненъ . . .

Пабло.

Поставьте вѣрный караулъ, и плотнѣй закройте эти окна —

Голосъ обманутыхъ гражданъ намъ только мѣшаетъ работать.

(Комендантъ уходитъ. Часовые закрываютъ окна)

Сейчасъ мы разберемъ дѣло трехъ роялистовъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія,

Обвиняемыхъ въ организаціи мятежа и въ измѣнѣ.

Но позвольте раньше огласить приговоръ по дѣлу гражданки Романьесъ.

Итакъ, я не вижу возраженій противъ оправданія? . .

Гонгора.

Я прошу слова.

Пабло.

Вы? но вѣдь мы согласны съ вами . . .

Вы просите слова, чтобъ обосновать юридическую сторону, столь важную,

Или, чтобъ точнѣе формулировать наше общее мнѣніе?..

Г о н г о р а.

Нѣтъ. Чтобы покаяться передъ всѣми гражданами.

Въ великомъ преступленіи...

2 - о й с у д ь я *(первому).*

Это что-то необычайное:

Гонгора — кается!

Г о н г о р а *(идетъ къ окну).*

(Про себя)

Гремятъ орудія... послѣдній часъ грядетъ...

(Раскрываетъ окно. Громко)

Передъ тобой я буду каяться, народъ.

(Голоса за сценой:

Чего онъ хочетъ?

Онъ поможетъ намъ! онъ насытитъ насъ!

Снова морочитъ!..

Да здравствуетъ Неистовый!)

Вы — ропщете — на базарахъ нѣтъ хлѣба?

Многіе изъ васъ сегодня не обѣдали.

Новыхъ денегъ никто не беретъ.

Не достать ни рыбы, ни риса,

И трусы уже слышатъ у «Желѣзныхъ Воротъ»

Топотъ эскадроновъ Руиса.

Бѣдные! надъ вашими подвигами дѣти содрогнутся —

Чѣмъ вы не жертвовали для Революціи?

(Голоса за сценой:

Мы не можемъ безъ хлѣба! Бороться безумно!

Натощакъ и Коммуна не Коммуна!

Достань хлѣба! Прогони Руиса!

Или мирись съ роялистами!)

Да вы герои! А я хочу покаяться предъ всѣми

Въ скупости и въ нерадѣніи.

Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, я покинулъ домъ родной,

Покой, уютъ, богатство.

Пошелъ работать въ шахты,

Киркой сердца дробить и звать на бой.

Меня схватили мадридскія ищейки,

Заковали въ цѣпи, бросили въ склепъ.

Глядите, на этихъ рукахъ еще чернѣютъ

Слѣды королевскихъ колецъ.

Бѣжалъ! Въ Бильбао — баррикады! Насъ мало! Трудно было!

Пуля въ руку, снова — поймали, чтожъ еще монаршая милость,

Въ казематѣ ждалъ казни. Вотъ чьи-то шаги... за мной пришли...

Но, нѣтъ! вы возстали, ворота взломали, спасли!

(Голоса за сценой:

Браво, Гонгора, мы пойдемъ за тобою!

Нѣтъ! мы не хотимъ быть героями!
Смерть или побѣда!
Хлѣба! только хлѣба!)

Но — вождь простой человѣкъ.
Порой въ его сердцѣ слабость,
И кренитъ набѣгающій вѣтръ
Даже самый высокій корабль.
Слушайте, судьи! Слушай, народъ! И ты, ночь!
Ко мнѣ пришла любовь.
Я отдалъ все! Но въ изступленіи
Я хотѣлъ любви, любви для себя!
Я хотѣлъ спасти эту бѣдную женщину,
Ненавидя ее и любя.
Вашъ неумолимый, вашъ неистовый
Полюбилъ роялистку.
Чтожъ вы не кричите? кричите громче —
Позоръ, позоръ Гонгорѣ!
Да, позоръ! себя оголю до нага,
Кину вамъ мое темное сердце.
Знайте всѣ: сейчасъ на судѣ я лгалъ,
Только чтобъ спасти ее отъ смерти.
Не человѣка хотѣли сразить ея хрупкія руки,
Но знаменосца Революціи.
Я снова твердъ! Дышу этимъ дымомъ пороха,
Этой грозой, что сейчасъ разразится надъ городомъ.
Революція, тебѣ я отдалъ смертное сердце,

Душу мою и плоть,
Нынѣ прими послѣднюю жертву,
Эту небывшую любовь.
Казните ее! Вотъ тамъ горятъ какъ волчьи
очи Руисовы огни.
Надо крѣпиться — мы или они.
Быть можетъ завтра и мы уйдемъ
За нею слѣдомъ, и тѣмъ же путемъ.
О жизни забудь! Не таи огонька въ твоей
кельѣ убогой.
Шире въ ночь распахни забвенную дверь.
Теперь есть только одна дорога —
И это смерть.
Я отдалъ все. Я нищъ и свѣтелъ.
Бери, бери меня, вѣтеръ!
(Голоса за сценой:
Смертъ роялистамъ!
Смертъ федералистамъ!
И тѣмъ и этимъ! и этимъ и тѣмъ!
Смертъ! смертъ всѣмъ!)

1-ый судья.

Это я понимаю. Я больше не въ силахъ
ждать.
Дайте! Дайте мнѣ подписать!

Пабло *(читатетъ).*

Признать гражданку Романьесъ виновной,
И разстрѣлять!

Луисъ.

Альда, ко мнѣ! ко мнѣ!

Г о н г о р а.

Ты съ ними? . .

А л ь д а.

Гонгора! неужели ты не понялъ — разныя дороги, но одинъ конецъ . . .

(Голоса за сценой:

Смерть! Смерть!)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Площадь передъ дворцомъ — та же, что и въ первомъ дѣйствіи. Ночь. Гонгора выходитъ изъ дворца, сходитъ внизъ по ступенькамъ балкона. Въ сторонѣ дремлетъ нищій.

Гонгора.

Здѣсь я ее встрѣтилъ...
Она говорила, просила, любила... Она жила...
Еще сегодня, на разсвѣтѣ
Она была... Ея нѣтъ... Не будетъ больше... Ушла...
Въ ту ночь, кружа и тревожа,
Звѣздная буря охватила небо.
И все казалось такимъ возможнымъ.
И ничего не было.
Прошли три недѣли —
Вся жизнь... Альда, прости!
Мы оба такъ хотѣли
Помедлить на страшномъ пути.

Мы оба преступили запреты.
Хотѣли любить, забыть . . .
И что могутъ два человѣка
Противъ одной Судьбы?
Гдѣ ты, святое безумье?
Стою у послѣдней межи.
Быть можетъ, я уже умеръ,
И только гляжу на жизнь.

(Вздрагиваетъ)

Что это? Стрѣляютъ! близко! Они ворвались!
Гонгора, очнись!
Еще не всѣ патроны вышли!
Мы будемъ на каждомъ перекресткѣ биться,
И кровью эта рука допишетъ
Послѣднюю страницу!

(Вбѣгаетъ Педро)

Педро.

Они вошли. Мы пропали.

Гонгора.

Надо защищаться въ старомъ кварталѣ.
Баррикады. Раздать оружье. На каждой улицѣ.
До послѣдней пули.
Живьемъ не получатъ! Вѣдь красный полкъ еще не сдался?
Мы держимъ мостъ у арсенала?

Педро.

Выдали вождей. Всѣ предали. Во дворцѣ послѣдній отрядъ.

Но они требуютъ смѣны. Они тоже сдаться хотятъ.
Что имъ сказать? Вѣдь это не герои, просто люди...

Гонгора.
Смѣна будетъ.

Педро.
Откуда? ты бредишь!
Всѣ разбѣжались. Это послѣдніе.
Теперь противъ насъ весь народъ.

Гонгора.
Но смѣна придетъ, придетъ.
Черезъ годъ, черезъ вѣкъ — не все ли равно?
У этихъ стѣнъ Картагена
Они закричатъ, цѣлясь въ ночь:
Мы пришли! мы пришли на смѣну!
Снова сердца закружатся въ снѣжной вьюгѣ...
Педро, скажи имъ, что смѣна будетъ!

Педро.
Оставь эти бредни! Я не пойду къ нимъ — они меня выдадутъ.
Пойми же, все проиграно.
Намъ одно осталось — скрыться,
Въ шлюпкѣ до Барселоны.
А тамъ за-границу.
Ты будешь полезенъ для нашего дѣла, будешь нашимъ теоретикомъ,
Можетъ гдѣ-нибудь въ Женевѣ изучишь эти роковыя недѣли.

Гонгора.

Ты чтоже, хочешь использовать вѣтеръ
Для добродѣтельныхъ мельницъ?
Пустъ другіе пишутъ изслѣдованія,
Наше дѣло — умирать,
Наше дѣло — сдѣлать такъ, Педро,
Чтобы было о чемъ писать.

Педро.

Нѣтъ, мы должны себя беречь
Для новыхъ грозъ, для новыхъ сѣчъ.
Сгорѣть, какъ ракета — это просто глупо.
А кто будетъ черезъ десять лѣтъ дѣлать новую революцію?

Гонгора.

Революцію нельзя сдѣлать. Она приходитъ сама,
Какъ смерть, какъ смерчъ, какъ чума.
Долго огонь въ утробѣ земной цѣпенѣетъ.
Законы беззаконья кто исчислить сможетъ?
Кто скажетъ любовникамъ новой Помпеи:
Скорѣе бѣгите съ брачнаго ложа?
Революція приходитъ въ нѣкій срокъ таинственный;
Ничто не замедлитъ ея суровыхъ родовъ,
Въ урочный часъ уходитъ, и напрасно тщимся мы
Раздуть костры ея отпылавшихъ зрачковъ.
Педро, намъ мало осталось — не устраивать новые заговоры,
Не начинать опять уже пройденный путь,

Но только здѣсь, подъ этой жадной лавой
Уснуть.

Педро.

Гонгора, но это ужасно!
Вѣдь всѣ, всѣ скрылись:
У Пабло я давно видѣлъ заграничный паспортъ.
Хуанъ вчера удралъ въ Севилью.
Карлосъ перешелъ къ Руису.
Только мы остались. Идемъ! Скорѣй! Ты слышишь? Они близко!

Гонгора.

Меня поставили на этотъ постъ. Я только часовой.
Я не уйду отсюда. Оставь меня лучше!

Педро.

Но что ты стережешь? Дворецъ пустой?

Гонгора.

Я стерегу грядущее!

Педро.

Гонгора, я еще такъ мало жилъ!
Я жить хочу, просыпаться утромъ,
И кричать изо всѣхъ силъ:
А все таки жизнь чудесная штука!
Пусть это слабость, предательство —
Я не могу остаться.

Гонгора.

Тогда — спѣши! пора!
Прощай Педро!

(Педро уходитъ)

Христосъ? можетъ быть, Христа и не было,
Но Петръ былъ, онъ руки грѣлъ у мирнаго
костра.
Ихъ звали Пабло, Карлосъ, Хуанъ, Педро —
Искры, взнесенныя вѣтромъ,
Отгорѣли и нѣтъ ихъ...
Ночь такая темная!
Ты одинъ, Гонгора!..

(Вбѣгаютъ повстанцы, прохожіе, рабочіе)
(Голоса:
Хлѣба, хлѣба!)

1-ый повстанецъ.
Вотъ мы оремъ, а Гонгора сейчасъ спокойно
обѣдаетъ.
И уписываетъ хлѣбъ, не простой — сдобный.
Знаемъ мы этихъ «друзей народа»!

2-ой повстанецъ.
Довольно онъ насъ морочилъ!
Вотъ я, къ примѣру, человѣкъ рабочій,
Дома — семья, дѣти хлѣба просятъ.
Что жъ мнѣ ихъ кормить рѣчами о Коммунѣ?

Женщина.
Мой мальчикъ съ голоду умеръ.

3-тій повстанецъ.
Долой Коммуну! пора за умъ-разумъ
взяться!

Бабка.
И какая отъ нея польза, спрашивается, —
отъ этой федераціи?
Только что съ голоду дохнемъ.

Дама.

А вѣдь при королѣ жилось не такъ ужъ плохо?

1-ый прохожій.

Хоть биты да сыты.

А хлѣбъ! каждый день круглый, ситный...

2-ой прохожій.

Булочки, пирожки, ватрушки — чего только не было?

(Голоса:

Долой! Долой!

Хлѣба! Хлѣба!)

Гонгора *(подходитъ къ толпѣ).*

Когда всѣ огни погасли —

Одинъ послѣдній...

(Его заглушаетъ ревъ толпы:

Долой! Долой! Сказки!

Басни! Бредни!)

2-ой прохожій.

Довольно онъ насъ кормилъ вѣтромъ!

3-тій прохожій.

Ну день гори, два гори — пора и погрѣться...

Гонгора.

Дайте сказать мнѣ!

(Крики:

Долой Гонгору!

Долой федерацію!)

Молодой рабочій.

Стойте! нѣтъ пути обратно!

Пусть голодъ! пусть холодъ! пусть не дойти до небесъ!
Пусть на горѣ, на плечахъ и въ сердцахъ вѣчный Крестъ!
Не для того ли даны намъ руки,
Чтобъ заносить ихъ все выше и выше?
Мы не уйдемъ! не уступимъ!..

4-ый повстанецъ.

Довольно! слышали!

1-ый повстанецъ.

Онъ смѣется надъ нами!

2-ой прохожій.

Что же мы сыты будемъ твоими рѣчами?

(Крики:

Тащите его!

Въ рѣчку! выкупать!)

3-тій повстанецъ.

Онъ, вѣрно, обѣдалъ,
Пусть теперь водицы отвѣдаетъ!

(Крики:

Хлѣба! Хлѣба!

Молодого рабочаго выволакиваютъ со сцены)

Графъ.

Братья, мы всѣ страдали три недѣли отъ этихъ бандитовъ проклятыхъ,
Всѣ, всѣ страдали — бѣдные и богатые.
Они преступили заповѣди Божіи и предались Дьяволу —

Не охраняли частной собственности, отрицали право.

Но вотъ вы прозрѣли, вернулись къ Богу.

Судите сами, что лучше: ржаной хлѣбъ или звѣзды съ неба?

(Крики:

Мы не хотимъ свободы!

Хлѣба! Дайте намъ хлѣба!)

Слышите выстрѣлы? Это войска Руиса.

У Руиса сколько угодно муки, картошки, риса.

Б а б к а.

Да, да! его солдаты ѣдятъ пироги съ начинкой.

Г р а ф ъ.

И вы будете ѣсть — надо только выдать зачинщиковъ.

1 - ы й п р о х о ж і й.

Да, гдѣ ихъ найдешь? Небось, всѣ удрали!

Вотъ! держите! Стой! ты кто?

Р о д р и г о.

Я? «Зачинщикъ»! Гражданинъ Родриго! Слыхали? *(про себя)*

Эхъ хотѣлъ я въ Мексику! да вотъ суждено въ Картагенѣ . . .

Чтожъ можно и здѣсь закончить представленіе. *(Громко)*

Любезные граждане, сейчасъ вы меня повѣсите

На самомъ видномъ мѣстѣ.
Вѣдь я невозможенъ въ прилично обставленномъ государствѣ,
Въ консти-туціо-нной монархіи!
Что же! а все же
Мы васъ слегка потревожили!
Уничтожили троны, законы,
И Боже, Боже!
Купоны!
Все поставили вверхъ дномъ.
Даже въ раю учинили маленькій погромъ,
Вечеромъ, за чашкой кофе, въ саду,
Вы вдругъ вспомните — «это было въ семьдесятъ третьемъ году . . .
Ахъ, что было! . . лучше не вспоминать на ночь! . .
А что если снова! . .» И ворвется въ сердце вѣтеръ пьяный.
Зазвенитъ, зашумитъ неуемный громъ:
«Мы придемъ! мы опять придемъ!»
Берите меня! я не костеръ, только малая искра.
Весело было мнѣ по степи носиться.
Гори, трава! степной огонекъ, звени!
Вотъ они отвѣтные огни!
Я не даромъ жилъ, умирать не обидно.
Я только веселый парень, бродяга Родриго.
Но вотъ языки буревые къ небу простеръ
Небывалый кровавый костеръ.
Весь міръ сгоритъ и эти свѣтила несмѣтныя
Прольются въ ночь серебрянымъ пепломъ.

Это будетъ! . . а теперь тащите меня! казните!
Смягчите хоть этимъ сердце добраго Руиса!
(Крики:
Чего его слушать? Собака бѣшенная!
На фонарь бродягу! всѣхъ перевѣшать! Родриго уводятъ)

Графъ.

Вы страдали, голодали, терпѣли,
А для нихъ это только веселое зрѣлище.
Они васъ кормили притчами о Коммунѣ,
Сулили рай небывалый.
Нашъ идеалъ — священное благоразуміе.
Каждый долженъ довольствоваться малымъ.
Зачѣмъ быть такими жадными!
Богатые и бѣдные могутъ жить въ полномъ согласіи.
Надо только, чтобы каждый на черный день кое-что откладывалъ.
Спасенье не въ Коммунѣ, а въ Сберегательной Кассѣ.
Вотъ если-бъ вы не бунтовали, а работали терпѣливо,
Каждый состарившись, могъ бы въ саду, подъ оливой
Разсказывать внукамъ о жизни мирной и честной,
И даже пріобрѣсти на кладбищѣ вполнѣ приличное мѣсто.

Бабка.

Правда! правда!
Попуталъ лукавый!

2-ой повстанецъ.

Не иначе какъ отъ дьявола.

3-тій прохожій.

И только подумать
Кто ее выдумалъ — эту Коммуну?
Жили безъ нея тихо, по хорошему,
А теперь ни хлѣба, ни рису, ни картошки . . .

Графъ.

Я вижу вы теперь разбираетесь во всемъ.
Вы поняли, что Церковь, Король и министры о васъ пекутся.
Нынѣ блудный сынъ вернулся въ отчій домъ.
Слава Богу кончилась эта . . . «революція»!
(Крики:
Кончилась! хорошенькаго понемножку!
Съ ней хлопотъ не оберешься!)

3-тій повстанецъ.

Мы хотимъ жить, какъ жили прежде!

4-ый повстанецъ.

Что намъ дѣлать? Руисъ насъ повѣситъ, какъ мятежниковъ.

Графъ.

О, нѣтъ, вы такіе жъ какъ прежде,
Вы не мятежники!
Покайтесь, выдайте зачинщиковъ, украсьте королевскими флагами дворецъ.
Идите навстрѣчу Руису.

Вѣдь онъ васъ любитъ, какъ родной отецъ,
Онъ проститъ васъ . . .

Женщина.

Мы будемъ кидать розы подъ копыта коней.

1-ый прохожій.

Мы повѣсимъ всѣхъ федералистовъ и ихъ дѣтей!

Бабка.

Мы будемъ поить королевскихъ солдатъ самымъ лучшимъ виномъ!

2-ой прохожій.

Мы всѣ на колѣни падемъ!

Графъ.

Идемъ! Встрѣчать Руиса! Пусть скажетъ королю, что мы образумились,
Забыли о Коммунѣ,
Что намъ ненавистна свобода,
Что мы не граждане, но вѣрноподданные! . .

2-ой прохожій.

И будутъ булки, бѣлыя, сдобныя!

(Голоса:
Идемъ!
Падемъ!)

(уходятъ)

Нищій.

Надъ самымъ ухомъ палятъ! Пресвятая Марія!
Такая-жъ ночь, какъ тогда, когда брали городъ, другіе . . .
Также стрѣляли, пѣли, съ флагами шли.

Гонгора.

Да, похоже.
Тогда — приливъ, теперь — отливъ,
А море — все тоже.

Нищій.

Въ ту ночь одна госпожа дала мнѣ цѣлыхъ пять песетовъ...
Охъ вѣтеръ! .. Никуда не уйти отъ этого вѣтра! ..

Гонгора.

Да, мы укрыться пытались,
Остановиться... Вѣтеръ унесъ... ее звали Альда...

Нищій.

Господинъ, дай грошъ!
(Вглядываясь въ лицо)
Это ты! Чего-жъ ты ждешь?
Бѣги! Они идутъ! Сейчасъ придутъ! Уходи! они жъ тебя казнятъ! ..

Гонгора *(подымая винтовку брошенную повстанцемъ и ленту съ патронами).*

Нѣтъ! есть еще патроны: пять для нихъ, шестой для меня.
Черезъ десять минутъ часы на башнѣ пробьютъ половину четвертаго.
Я буду здѣсь валяться мертвый
Позовешь — никто не отвѣтитъ
Будутъ мутныя очи не видя смотрѣть.
Умру. Но останется вѣтеръ.
Вѣтеръ не можетъ умереть.

Онъ никогда не рождается, пребываетъ,
всегда.
Прилетаетъ. Улетаетъ. Откуда? Куда?
Сейчасъ онъ несется прочь изъ Испаніи
На сѣверъ играть ледяными сердцами
Но срокъ придетъ и черной ночью
Онъ взвоетъ здѣсь, на этой площади.
Въ души ворвется, люди проснутся,
И кто-то первый робко шепнетъ — «револю-
ція!» . .
Несутся и бьются. А послѣ — земля.
Зачѣмъ? развѣ знаю. Иначе нельзя.
Впереди только ночь пустая, глухая,
И вѣтеръ еще реветъ позади . . .

(Наводитъ винтовку)

Эй, старикъ! Отойди!
Стрѣляю! . .

Кіевъ, Іюнь 1919 г.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 08 01 07 002 0